Анна Гавальда

Yann

Anna Gavalda

Ян

НОВИНКА

Ян
Анна Гавальда

Аннотация
Анна Гавальда. Ян

Аннотация

Яну 26 лет. По образованию он дизайнер, но работы по специальности найти не смог. В ожидании лучших времен трудится менеджером в магазине бытовой техники, продает роботы-пылесосы Вуф-Хуфы и прочие гаджеты. Живет с подружкой, несчастным себя не считает, но отчего-то порой ему хочется утопиться в Сене.

Однажды вечером он помогает соседям дотащить до квартиры буфет. В благодарность его приглашают на ужин. На следующее утро Ян принимает решение послать все к чертям и начать новую жизнь.

Анна Гавальда
Ян

Посвящается Марианне

Во-первых, яичко

На этой неделе моя очередь закрывать магазин. Я оформляю последние заказы, выключаю компьютеры и проверяю, все ли ящики и витрины заперты на ключ.

Честно говоря, именно это бесит меня больше всего — чувствую себя провинциальным торговцем дешевыми побрякушками, безропотно затаскивающим по вечерам в лавку свои штампованные браслетики и цепочки, но у Эрика, моего коллеги из пятого округа, в прошлом месяце вытащили оборудования на три тыщи, и, насколько мне известно, ему еще долго придется разбираться с этой историей.

О нет, его не обвинили в воровстве напрямую, нет, просто дали понять.

— Знаешь, порой я думаю, что это лучшее, что могло бы со мной случиться. Быть вынужденным сдать им свой бейдж и разом успокоить подружку со всеми ее мечтами о кредите. Больше не ездить на скоростном метро… Не начинать свой день с этого унижения… Едва проснувшиеся и уже в загоне, собранные вместе, стиснутые со всех сторон… Рабочая сила пригородов, безропотное и изможденное стадо таких же, как ты, одновре-

менно с тобой читающее ту же чушь, что и ты, в одних и тех же бесплатных газетенках… Клянусь тебе, это угнетает меня больше всего… — вздохнув, доверительно сообщил он мне, когда мы с ним встретились на однодневном тренинге по новому программному обеспечению торговых сетей, — да уж… жаль, что я все еще люблю свою девушку…

Мы обменялись улыбками, а потом новая инструкторша начала свою речь, и больше мы не трындели.

(Если мы произведем плохое впечатление на эту даму, она доложит нашему шефу и нас лишат нашей премии за прилежание *Business, Care & Involvement*[1])

(За подхалимаж.)

Так что вот. Я тщательно проверяю замки.

Затем выключаю свет в шоу-руме, спускаюсь на грузовом лифте и преодолеваю километры коридоров в тусклом мерцании аварийных лампочек.

Бегу вприпрыжку, чтобы успеть до включения сигнализации.

В раздевалке нахожу свой шкафчик, набираю

---

[1] Примечания: 1
Бизнес, Усердие и Вовлеченность (*англ.*)

код — еще один, наверное, уже десятый за день, — и меняю свой жилет «Ян, чем я могу вам помочь?» на свою старую замызганную куртку, которая всем своим видом говорит о том, что бедный маленький Ян уже никому и ничем помочь не может. Снова вприпрыжку — из-за следующей сигнализации — выскакиваю на улицу и оказываюсь в тупичке на задворках бульвара Осман, между двух рядов мусорных баков и охранником с собакой, который как раз заступает на дежурство.

Когда это смена толстяка с доберманом, мы с ним выкуриваем по сигаретке, болтаем о погоде, о тачках и футболе (ну, вернее, болтает он, а я только поддерживаю разговор), а когда дежурит другой, тот что с ротвейлером, я расслабляюсь, только когда выбираюсь из тупичка.

Меня пугает не его орудие труда, а его взгляд.

Всегда задаешься вопросом, *кто* же читает журнал «Детектив». Ну так вот, это, к примеру, он…

Этого парня заводят такие заголовки, как «Малышка Лили, трех лет от роду, забитая до смерти, изнасилованная, замученная и сожженная заживо», как он сам говорит. Его это крепко заводит.

Этим вечером дежурит добряк, и я первым достаю свою пачку сигарет. Сегодня его тревожит

то, что у одного из щенков его суки, не этой, а другой, которая работает только на парковке (?), никак не опускается одно яичко.

Я чуть было не ляпнул, как это круто, но, к счастью, вовремя остановился.

Все это было вовсе не смешно. Напротив, настоящая драма. Если яичко не опустится, пес не получит родословной, а без родословной он ничего не стоит.

— Может, в конце концов оно все-таки опустится?

Охранник выглядел неуверенным:

— Ну… Все может быть… Может, опустится, а может, и нет. Inch'Allah… На все воля Всевышнего…

Бедный Аллах, думаю я, удаляясь, надеюсь, у Него есть кто-нибудь в отделе прошений, кто занимается первичной сортировкой, прежде чем все это Ему отправлять…

Во-вторых, мрак

На кадуцее американской аптеки я вижу, что уже 22:10, температура воздуха -5°.

Меня никто не ждет, Мелани снова смылась на какой-то свой семинар, и уже слишком поздно

чтобы пойти в кино.

Я направляюсь к ближайшей станции метро, но потом передумываю. Я не могу сейчас снова залезть в очередную коробку, я сдохну.

Я должен пройтись. Должен протопать пешком через весь Париж, похлопывая в ладоши и время от времени снимая шапку, чтобы разогнать мрак в своей голове.

Да, я должен настрадаться, промерзнуть, проголодаться и, воспользовавшись тем, что наконец остался один, рухнуть спать замертво.

Вот уже несколько месяцев я плохо сплю. Мне не нравится моя контора, не нравится мое расписание, не нравятся преподы, запах в раздевалке, столовка и идиоты, которые меня окружают. В свои двадцать шесть лет я все так же мучаюсь бессонницей, как и в двенадцать, вот только в двадцать шесть это в тысячу раз хуже, потому что я сам влез во все это дерьмо. *Самостоятельно*. Я не могу винить в этом своих родителей, к тому же теперь у меня не бывает каникул…

И что я такого сделал?

А?

Что ты сделал?

Нет, правда! Что же ты опять натворил, идиот?!

Я кляну сам себя вдоль и поперек, в полный голос, потому что мой гнев, теплым дыханием вырываясь наружу, согревает мне кончик носа.

Бомжи попрятались кто куда, те из них, кто сейчас выпивает, чтобы согреться, до завтра не доживут, а Сена черна, неотроплива, коварна. Скользя между опор Нового моста, она безмолвно манит к себе. Она охотится. Подстерегает уставших, сломленных клерков, бесталанных людишек со всеми их думами и ночными вопросами. Она выявляет сомнения и скользкие парапеты. «Идите ко мне, — урчит она, — идите… Это всего лишь я… Ну давайте же… Мы ведь уже так давно знакомы…»

Я представляю себе холод ее объятий, то, как одежда сначала надувается пузырем, а потом тянет тебя ко дну, шок, рвущийся наружу крик, оцепенение… Ведь все это себе представляют, разве нет?

Да. Конечно же, все. У всех, кто живет рядом с рекой, случаются такого рода помутнения.

Это утешает.

Отступление:

Сообщение от Мелани: «Мертвая ложусь спать погода дерьмо целую». С маленьким значком по-

целуя в конце. (Такая мигающая желтая штучка с толстыми губами.) (Они называют это смайликом.)

Смайлик. Слово такое же пошлое, как и сам предмет. Ненавижу все эти приспособления для ленивых. Вместо того, чтобы выразить свое чувство, ты его отсылаешь. Нажимаешь на кнопочку — и перед тобой все эмоции мира, совершенно одинаковые. Радость, сомнение, грусть, гнев — все на одно лицо. Все многообразие порывов души оказывается сведено к пяти отвратительным кружочкам.

Черт побери, какой прогресс…

«Спокойной ночи! — пишу ей в ответ. — Я целую тебя».

Немногим лучше, да?

Да, не особо. Хотя все ж таки это поцелуй в целых три слова… К тому же, знаки препинания — это красиво…

Не так уж много парней в наши дни утруждают себя знаками препинания в смс. Наверное, это все те же, кто воображает себя утопленниками?

Боюсь, что да.

Господи, что-то сегодня вечером я не в духе.

Прошу прощения.

В последнее время такое часто со мной бывает.

Хандра, смехотворные лирические припадки, потребность нападать на окружающих, да на всех подряд, лишь бы только выплеснуть яд. Мелани утверждает, что все это из-за погоды (конец зимы, нехватка света, сезонная депрессия) и моей профессиональной деградации (о том, что было обещано, никто уже не вспоминает, отсутствие амбиций, разочарование). Ладно. Почему нет?

Ей повезло, она относится к числу людей, у которых есть объяснения и решения любой проблемы: будь то пылевые клещи, право голосования мигрантов, закрытие аптеки на улице Дагер, бородавки у ее отца или же моя меланхолия. В некотором смысле я ей даже завидую. Я бы тоже хотел быть таким.

Чтоб и в моей голове все было бы столь же просто, столь же ясно, столь же… *материально*.

Никогда не сомневаться. Всегда выявлять подозреваемых, ответственных, виноватых. Идти напролом, добиваться своего, требовать, судить, рубить с плеча, приносить в жертву и свято верить, что все экзистенциальные потуги этого маменького сыночка сойдут на нет с началом весны и будут окончательно забыты, как только ему на двести евро повысят зарплату…

Увы, сам я ни секунды в это не верю.

В июне мне стукнет двадцать семь, и я не знаю, считаюсь ли еще молодым или уже старым. Мне не удается найти свое место в этой хронологической таблице. Все это как-то слишком расплывчато, вся эта история. Издалека меня можно принять за подростка, но вблизи я выгляжу как старый дурак. Старый дурак, прикидывающийся лицеистом: такое же фальшивое дружелюбие, такие же конверсы, джинсы, стрижка и даже романы Чака Паланика в таком же потрепанном рюкзаке.

Шизик. Маргинал. Молодой человек начала XXI века, родившийся в богатой стране, воспитанный любящими родителями, маленький мальчик, у которого было все: ласки и поцелуи, праздники в честь его дней рождения, игровая приставка с джойстиком, абонемент в медиатеке, монетки от Зубной феи, весь Гарри Поттер, карточки «Покемон», «Ю-ги-о», «Мэджик»[2], хомяки, новые хомяки взамен старых, безлимитные тарифы, путешествия в Англию, модные свитера и все остальное, и не только это.

Не только…

Маленький мальчик, родившийся в самом кон-

---

[2] Примечания: 2
Детские коллекционные карточные игры.

це XX века, которому с самого детства, как только он дорос до того, чтобы выкидывать свои фантики в помойку, неустанно твердили, что природа гибнет по его вине, леса исчезают в пальмовом масле его сладких булочек с шоколадом, айсберги тают, когда его мама заводит машину, все дикие звери вымирают, и если он не закрывает кран, когда чистит зубы, значит, все это происходит отчасти из-за него.

Любознательный и послушный ученик, на уроках истории он в конце концов усвоил, что принадлежит к белой расе алчных колонизаторов, трусов, доносчиков и коллаборационистов, тогда как на уроках географии ему из года в год повторяли ужасающие цифры грядущего перенаселения планеты, индустриализации, опустынивания, нехватки кислорода, воды, ископаемых энергоносителей и земель, пригодных для земледелия. Что уж тут говорить об уроках французского, где у вас непременно развивалось отвращение к чтению как таковому, ибо вас постоянно вынуждали все портить: *«Найдите и вычлените лексическое поле „чувственности“ из данного стихотворения Бодлера»* — оп-ля! приехали, о чувствах можно забыть; или же об уроках иностранного языка, где вам год за годом

напоминали how much you were ouna mayouscoula Scheise[3]; или же, наконец, о таком предмете, как философия, который, как оказалось, представлял собою сумму всего прочего в концентрированном виде и в еще более беспощадной форме: «Эй ты, маленький белый импотент, изъясняющийся с таким акцентом, что все вокруг умирают со смеху, найди-ка и вычлени лексическое поле бардака твоей цивилизации, будь добр. У тебя четыре часа».

(Оп, оп, оп-ля-ля, черновик… в желтую помойку[4].)

А когда наконец весь этот багаж мрачноватых знаний получен, усвоен, выучен, переварен, повторен в экзаменационных работах и учтен в статистических данных об успешном окончании школы, к нему стоит прибавить еще несколько лет учебы, чтоб не слишком быстро застрять в узком проходе к светлому будущему.

И ты, как дурак, выполняешь все, что требуется: зубрежки, экзамены, дипломы, стажировки.

Ты работаешь стажером задарма, без оплаты,

---

[3] Примечания: 3

Здесь: «Какое же вы дерьмо» (*искаж. англ., исп., нем.*).

[4] Примечания: 4

Намек на раздельный сбор мусора.

без всякого финансового вознаграждения, ради репутации и славы. Ты рассылаешь свои резюме. Резюме с фотографией, на которой ты смотришься выигрышно. Резюме в бумажном виде и электронном, в дизайнерском оформлении и в видеоформате, какое пожелаете, на любой вкус, на ваше усмотрение. Мотивационные письма. Мотивационные мейлы. Мотивационные видеоролики. В общем… всю эту кучу бессмысленной болтовни, к которой тебе уже нечего добавить, потому что ты больше в это не веришь, потому что все это тебя угнетает — необходимость напряженно сражаться в столь юном возрасте за право платить, как все, свои членские взносы.

Но ты не опускаешь руки. Ты отважно продолжаешь борьбу: центры занятости, биржа труда, кадровые агентства, хедхантеры, частные объявления, заявки на вакансии, рекрутинговые платформы, коды доступа к личному кабинету кандидата, подписка на новые предложения, тщетные надежды, собеседования с заранее известным результатом, фейсбукмейкеры, которые не поднимут твои котировки даже во сне, двоюродный брат твоего крестного, который замолвит за тебя словечко своим приятелям по Лайонс-клубу, приветы бывшим одноклассникам: знаешь,

мне в общем-то по-прежнему на тебя наплевать, но, кстати, вроде бы у твоего отца был какой-то завод? Агентства по временному трудоустройству, полезные знакомые, сомнительные знакомые, гнилые знакомые, сайты объявлений — все чаще платные, помощницы директоров по персоналу — все менее любезные, любые возможности… Да, ты всегда был на высоте, ты никогда в жизни не бросил мимо урны ни одной бумажки, в поезде никогда не клал ноги на банкетку напротив, даже если было очень поздно, ты был без сил и ехал один в купе, ты защитил свой диплом без всякой посторонней помощи, вот только, уф… видишь ли, тебе не повезло. Просто нет для тебя работы, и все тут.

Вот так, нет и все. Разве тебя не предупреждали, ты уверен? Странно… Наверное, ты пропустил мимо ушей, болтая со своей соседкой слева…

Эй, парень! Проснись! На дворе кризис!

Так что уж лучше слушай новости вместо того, чтобы учиться и получать профессию, не теряй время зря!

В чем дело? Ты не понимаешь? Постой, малыш, не суетись, вкратце ситуация такова.

Ты молодой порядочный европеец?

Ну так тебе это дорого обойдется, друг мой!

По всем радиоволнам тебе твердят, что государственный долг твоей страны исчисляется какими-то миллионами миллиардов долларов, что твои деньги вот-вот обесценятся, а если ты не говоришь на китайском, то даже не стоит и соваться, что Катар скупает все на корню, что Европе конец, западному миру — капец да и всей планете трындец.

Ну вот. В общем-то все.

Panem et circenses[5]. Приехали. Докатились.

Так что поверь, малыш, остается только смотреть футбол в ожидании апокалипсиса…

Давай. Тебе же сказали, ложись спать. *Fly Emirates*[6] и помолчи.

Короче, кончай суетиться. Пожалуйста, прекрати ты кликать по ссылкам, звонить, рассылать свои резюме. Все это только вредит озоновому слою планеты.

* * *

Я уже не чувствую ног. Наверху бульвара Сен-

---

[5] Примечания: 5
Хлеба и зрелищ *(лат.)*.

[6] Примечания: 6
Летай эмиратскими авиалиниями *(англ.)*.

Мишель, сразу за теплицами Люксембургского сада, полицейские выслеживают в бинокль уставших и рассеянных автомобилистов.

Когда я прохожу мимо них, опустив голову и уткнувшись носом в шарф, я слышу, как они спрашивают документы у молодой женщины в синем пуховике. Она вся сжалась, не знаю, то ли от холода, то ли опасаясь лишиться прав. Она лихорадочно ищет документы в сумке, роняет связку ключей. На заднем сидении в детском креслице спит малыш. Вряд ли она так уж сильно превысила скорость — на своей старенькой «Мини» [7]. Старомодная модель. Та самая, которую нарисовал сэр Алек Иссигонис[8]. Настоящее чудо.

До меня доносятся ее слова:

— Подождите, нет… У меня включена «печка»…

— Пожалуйста, — перебивает ее офицер, — немедленно заглушите двигатель. Это не займет

---

[7] Примечания: 7

«Мини», появившийся в 1959 году, стал самым продаваемым автомобилем в истории Великобритании, а в 1999-м получил звание главного европейского автомобиля XX века.

[8] Примечания: 8

Иссигонис, Алек (полное имя: *Alexander Arnold Constantine Issigonis*, 1906–1988) — английский конструктор и дизайнер автомобилей, родившийся в Турции в семье британского поданного греческого происхождения. В 1969-м за заслуги в развитии английского автомобилестроения ему был пожалован титул сэра.

у вас много времени.

Я иду дальше в окончательно расстроенных чувствах.

Что это за страна?

Что это за демократическая тюрьма, где силам правопорядка нечем больше заняться, кроме как расставлять ловушки для самых лояльных граждан? Что же это, в самом деле, такое творится?

Неужели касса и впрямь настолько пуста?

И что это за парни, которые выполняют такую работу? Которым платят за то, что они докапываются до женщины в полночь февральского вторника из-за того, что у нее треснута фара или плохо прикручен номер? А? Что это? А когда они заставляют ее выключать зажигание при том, что на улице -6°, а в машине дрыхнет малыш, что происходит у них в голове?

Неужели это настолько выгодно — состоять на госслужбе?

А сам-то? Сам-то ты что из себя представляешь? Мелкий обиженный засранец, который нам тут без устали проповедует высоконравственные идеалы, а сам даже хорошенькую мамочку защитить не способен. Девушку, которая ездит на

«Мини-1000», между прочим. Ну так скажи-ка нам: и кто же он, этот идиот?

Или у тебя тоже одно яичко не опустилось?

Или же ты его напрочь отморозил…

Отступление:

Прежде чем нарисовать «Мини», Иссигонис уже создал «Моррис-Минор», а потом еще и «Остин-1100» [9].

Неплохо…

Когда биг босс Уильям Моррис[10] впервые увидел «Минор», он ужаснулся. «Holy God, — he said, — a poached egg»[11]. Яйцо-пашот.

«Минор» ждал большой успех.

А ведь Иссигонис думал, что ему никогда не удастся получить этот чертов диплом инженера-конструктора, ради которого он трижды будет

---

[9] Примечания: 9

«Моррис-Минор» стал первым полностью английским автомобилем, перешагнувшим миллионный рубеж продаж. Модель выпускалась с 1948 по 1971 год. «Остин-1100» (1963–1975) считался «большим братом» модели «Мини» и также входил в пятерку самых продаваемых английских автомобилей.

[10] Примечания: 10

Моррис, Уильям (полное имя: *William Richard Morris, 1st Viscount Nuffield*, 1877–1963) — английский автопромышленник и филантроп, основатель компании «Моррис Моторс» (1919 г.), за заслуги перед Англией пожалованный в 1929 году титулом барона Наффилда.

[11] Примечания: 11

«О боже, — сказал он, — да это же яйцо-пашот» (*англ.*).

пересдавать экзамены, всякий раз не добирая баллов из-за математики. Его спасет рисование. В рисовании ему не было равных. Правила, постулаты, физические и математические законы его утомляли, хуже того: он считал, что все это — *the enemy of every truly creative man* — главный враг по-настоящему творческого человека. Кроме того, его абсолютно не интересовали ни коммерческая политика, ни всякие там прогнозы, бизнес-планы, исследования рынка и прочие предшественники современного маркетинга. У него был тяжелый характер.

Чтобы нарисовать новый автомобиль, главным, как он утверждал, было не копировать конкурентов. Он отличался независимостью, свободой и упрямством и не особенно ценил все то, что рождалось в результате мощных мозговых атак на заседаниях исследовательских бюро. Именно ему принадлежит гениальная фраза: *«A camel is a horse designed by committee»* — «Верблюд это лошадь, дизайн которой разрабатывался комитетом».

Я все это знаю, потому что будучи студентом (о да, это высшее образование, которое так дорого моему сердцу и так недешево обошлось моим родителям) (и которое в настоящий момент не

приносит мне абсолютно никакой пользы), я посещал музей дизайна в Лондоне.

Wow, such a nice sôuhveunhir[12] …

Ладно… Я почти пришел… Холод стоит такой, что лев на площади Данфер-Рошро как будто скорчился на своем постаменте. Этакий большой недовольный котик.

Я выбрал этот путь, потому что тоже хорошо рисовал и, не в обиду сэру Алеку, был силен в математике. Ну то есть… не стоит преувеличивать… все-таки не настолько, чтобы поступить в элитный вуз… К тому же я был любознательным… Интересовался искусствами, историей, историей искусств, прикладными искусствами, способами производства, промышленностью, промышленным производством, эргономикой, морфологией, вещами, людьми, мебелью, модой, текстилем, печатью, графикой… в общем, на самом деле, интересовался всем. Всем, все время и во все времена. Единственное «но» заключалось в том, что я не талантлив. Нет-нет, это правда. За время учебы я и это узнал. Я не талантлив и так уж устроен, что мне не хватает ни амбициозности, ни духу, чтобы создать что-то новое. По

---

[12] Примечания: 12

Вау, какое приятное воспоминание (*искажен. англ.*).

крайней мере в этом образование мне помогло: разобраться в себе и измерить ту пропасть, что отделяет меня от какого-нибудь Джо Понти[13] или, к примеру, Джонатана Айва[14].

(Знаю, знаю… хорошо отзываться о главном дизайнере Apple уже давно немодно, но пусть меня считают отсталым, мне все равно, я смиренно и благоговейно готов признаться в глубочайшем уважении, которое вызывает у меня этот человек.)

Мне бы надо было получить диплом библиотекаря и устроиться на работу в библиотеку при институте Искусств и Ремесел или же при Высшей школе промышленного дизайна, жил бы себе сейчас счастливо. Мой единственный талант — оценивать по достоинству таланты других.

Кстати, на одном из бессчетных собеседований о приеме на работу мне диагностировали мою слабость:

— В общем, молодой человек, вы дилетант.

---

[13] Примечания: 13

Понти, Джо (полное имя: *Giovanni Ponti*, 1891–1979) — итальянский архитектор, дизайнер, публицист, одна из центральных фигур в архитектурном возрождении Италии в XX веке.

[14] Примечания: 14

Айв, Джонатан (полное имя: *Jonathan Paul Ive*, Sir, 1967 г. р.) — англо-американский дизайнер, старший вице-президент отдела промышленного дизайна компании Apple.

Черт побери.

Это серьезно?

«Ясное дело, тебе следовало выбрать не столь жестокую область деятельности (ибо сразу определимся: в мире дизайна ты или провидец, или же совершенно бесполезен) (в этой схватке с действительностью ты растерял бы свои иллюзии, но не идеалы), менее жестокую, — говорил я себе, — и более подходящую твоему дилетантизму», увы, самое глупое в этой истории то, что я просто испугался: последовать своим естественным наклонностям и остаться без работы.

Ха-ха! Умница Ян… И до чего ж хорошо он спроектировал свою жизнь…

Издалека напоминает верблюда.

Начало улицы Булар. Чувствую, что закипаю. Тем лучше, потому что у меня из носа уже так и льет…

И на чем я остановился? Ах, ну да… Моя судьба.

В общем, короче говоря, на данный момент я дипломированный дизайнер и работаю… уф… как бы это сказать… демонстратором, да, именно так — демонстратором компактных роботов корейского производства, предназначенных для домашнего использования в игровых и хозяй-

ственных целях игривыми и хозяйственными представителями среднего класса.

Крохотный пылесос, который, как дрессированная собачка, вылизав всю пыль, самостоятельно возвращается на свое место, колонки с подсветкой, меняющей цвет в зависимости от типа музыки, душевая лейка со встроенным цифровым межгалактическим радио и умный холодильник, распознающий твой голос и сообщающий тебе о содержимом своего нутра: о затаренности, о сроках годности, количестве калорий и сочетаемости продуктов в его распоряжении, о способах использования остатков и прочее, и прочее.

Эй, не правда ли, великолепно?

Джо Понти был бы потрясен.

Мне удалось заполучить бессрочный контракт (да, это вам не хухры-мухры, это Кольцо власти, Черный лотос, самый настоящий Грааль, Святой Грааль) (*Hananim kamsa hamnida*) («спасибо, Господи» по-корейски) в какой-то паршивой хайтечной конторе, изумляющей старушку Европу своими неправдоподобными чудесами.

Проще говоря, я являюсь коммерческим представителем Dartyyongg.

Но, предупреждаю, это все временно, понятно?

Да-да, конечно, именно так…

Давай… Иди-ка ты спать, замерзший малыш…

От мрака избавиться не удалось, напротив, похоже, я еще больше себя накрутил.

Какой идиот.

Набрав последний на сегодня код при входе в подъезд, я вставляю картонку в дверную щель, чтобы дверь не захлопнулась, со следующей дверью поступаю так же.

Если бы только, вздыхаю я, если бы только нашелся хоть один клошар в районе, еще не окончательно околевший в такое время, у которого хватило бы вкуса и деликатности прийти погреться, воспользовавшись моей уловкой, признаюсь, это бы весьма повысило мою самооценку.

Я бегом поднимаюсь на третий этаж, чтобы не околеть на лестнице, запиваю остатками водки банан, опустошаю водогрейку и наконец падаю замертво.

В-третьих, печеньки

Сегодня я заканчиваю раньше, чем обычно, но я по-прежнему один. Мелани возвращается только в четверг.

Я только что разговаривал с ней по телефону:

отель хуже, чем ожидалось, спа закрыто, компания никудышная.

Что ж…

(Она медицинский представитель, и фармацевтическая компания, на которую она работает, регулярно устраивает мотивационные семинары, чтобы помочь сотрудникам, какими бы они ни были, преодолеть травмирующую ситуацию с дженериками.)

— Ты сходишь за продуктами?

Конечно. Само собою разумеется, я схожу за продуктами… Вот уже два года, как я этим занимаюсь и вовсе не собираюсь резко менять уклад нашей жизни сегодня вечером…

— И не забудь дисконтную карту. В прошлый раз, я подсчитала, мы из-за тебя потеряли минимум шестьдесят баллов.

Мелани — продвинутый потребитель. Шестьдесят баллов — это серьезно.

— Нет-нет. Я не забуду. Ладно, давай, мне надо идти, пора вывести моего маленького Вуф-Хуфа…

— Что, прости?

— Я о пылесосе.

— А…

Когда она вот так вот говорит «А…», я задаюсь вопросом, что она на самом деле думает. Огор-

чена ли она? Говорит ли она обо мне со своими коллегами? Говорит ли она им: «А мой парень торгует Вуф-Хуфами всех цветов радуги»?

Сомневаюсь. Она-то думала, что встретила нового Старка, а оказалась вместе с кем-то навроде клика правой клавишей мышью с ubaldi.com[15] — жестко. К тому же, мне кажется, она считает, что я целыми днями только и делаю, что развлекаюсь со всякими там гаджетами. Если бы она знала… Антикоагулянты всучить куда проще, чем какой-нибудь холодильник, который достает тебя всякий раз, как ты входишь на кухню… Ладно. Проехали. Сегодня я заканчиваю пораньше, но в супермаркет не попрусь — видел, что только сегодня в «Гранд Аксьон» в 21:00 будут давать «Бег на месте» Сидни Люмета.

Спасибо тебе, жизнь.

Я смотрел этот фильм вместе с кузеном (возможно, даже в этом же самом зале), когда мне было пятнадцать, то есть я был примерно того же возраста, что и Ривер Феникс, сыгравший Дэнни Поупа, и фильм произвел на меня настолько мощное впечатление, что выйдя из кино, я попал под автобус. Честное слово. Перелом четырех

---

[15] Примечания: 15
Сайт-дискаунтер бытовой техники и электроники.

пальцев на ноге.

В общем, перспектива снова увидеть этот фильм заставляет сердце мое биться сильнее, так как ко всему прочему это мой секрет от Мелани, которая этой истории не знает — я тоже на свой лад собираю баллы.

Решаю сначала зайти домой переодеться и перекусить, а потом взять велик напрокат.

(Классно катить на велике после кино: фара, словно прожектор в ночи, и лучшие сцены из фильма освещают твой путь.)

Поднявшись к себе на третий этаж с наполовину съеденным багетом в одной руке и пачкой дурацкой корреспонденции в другой, я утыкаюсь носом в шкаф. Синий пластиковый шкаф. Поскольку он стоит поперек лестничной площадки, то загораживает мне проход, но так как я не безрукий, то кладу свое барахло и берусь за шкаф, чтоб передвинуть его на метр в сторону. И в этот момент я слышу тоненький голосок:

— Мама! Мама! Там дядя застрял!

Другой высокий голос:

— Ты слышишь, Исаак? Ты слышал, что сказала твоя дочь? Да сделай же что-нибудь, господи!

И наконец, глухой рев папы-медведя:

— Эй вы там! Баловницы! Эй! Неугомонные!

Вы смерти моей хотите? Ждете, что я не выдержу этого кошмара, чтобы получить наследство? Не дождетесь! Слышите меня? Никогда! Никогда вам не достанутся папашины диковины! (потом более мягким голосом в мой адрес) Извините, сосед, извините… Вы справились?

Я поднимаю голову и вижу над изгибом перил пятого этажа краснолицего бородача, а между перекладин — двух маленьких Златовласок, которые разглядывают меня с важным видом.

— Все в порядке, — отвечаю я.

Он откланивается, я прохожу к своей двери и стараюсь как можно аккуратнее поворачивать ключ в замке, чтобы дослушать, чем у них там все закончится.

— Давайте-ка, малышки, пойдем… Не то простудитесь.

Но мама-медведица имеет на этот счет совсем другое мнение:

— Так как же Ганс?

— Ганс — кретин. Мы с ним поспорили на втором этаже, и на третьем он меня бросил. Вот, если тебе это интересно, вот! Ганс кре-тин! (по слогам проревел он с такой силой, чтобы услышал весь дом). Давайте, девчонки, немедленно домой, а не то я закрою вас в этом мастодонте, за которого

ваша матушка заплатила двести евро какому-то бандиту. Винтаж, винтаж, я вам щас тут такой винтаж покажу… И поживее, болтушки! Ваш господин голоден!

— Вот тут, мой дорогой, давай-ка договоримся: пока мой чудесный изящный буфетик стоит на лестнице, никакого ужина у тебя не будет.

— Прекрасно, моя дорогая! Просто замечательно! Раз так, я съем ваших дочек!

Мсье рычит, как людоед, и по всей лестничной клетке разлетаются детские визги.

Я в восхищении оборачиваюсь, зачарованный искорками волшебной лампы…

Их дверь захлопывается, а мне вдруг, сам не знаю почему, больше совсем не хочется заходить к себе домой.

Пойду-ка я лучше съем кебаб.

* * *

Задумчиво спускаюсь вниз.

Ее я видел раз или два, мы встречались с ней на лестнице утром, когда она вела своих девочек в школу. Вечно взъерошенная, спешащая, но всегда любезная. Мелани ворчит, потому что она как попало бросает коляску в подъезде. Коляску с кучей игрушек, ведерок, песка и крошек. Когда рядом

стоят упаковки воды или молока, я поднимаю их до своего этажа и ставлю на лестницу — таким образом они преодолевают больше половины пути как бы самостоятельно.

Мелани всякий раз возводит очи горе: курьер в придачу к демонстратору — это уже чересчур.

Как-то раз эта мамочка с пятого этажа, стремительно пролетая мимо, осыпала меня самыми горячими благодарностями за мою скромную помощь, в ответ я уверил ее, что это излишне, признавшись, что в награду брал пару раз у нее печеньки из пачки, которую она оставляла в сетке под коляской. Уже издалека я услышал ее смех, а на следующий день целая пачка печенья ждала меня на коврике перед дверью.

Я не стал говорить об этом Мелани.

Его я впервые видел лицом к лицу, но мне кажется, именно его шаги я слышу по вечерам.

Я знаю, что он подписан на «Газет Друо»[16], потому что этот журнал вечно торчит из их почтового ящика, а еще — что он ездит на «мерседесе-универсале», потому что те же журналы валяются на приборной панели.

---

[16] Примечания: 16

La Gazette Drouot — французский еженедельный журнал аукционного дома Друо, издается с 1891 года.

Однажды утром я наблюдал, как он вытащил из-под «дворника» квитанцию на штраф, подобрал ею собачью какашку и выбросил все это в канаву.

Это все, что я о них знаю. Надо сказать, мы не так давно сюда переехали…

Папашины диковины… Я сладко улыбался.

Колоритная у них вышла сценка. На самом деле они ругались как актеры бульварного театра. Пожалуй, даже как опереточные персонажи. Да-да, герои оперетты. Он не кричал, он пел раскатистым басом: «Неугомонные! Винтаж! Винтаж! (Звучало как „ажиотаж“.) Прекрасно, моя дорогая!» — и его вокальная партия все еще резонировала у меня в ушах.

Я улыбался, держась за перила.

Улыбался, стоя в кромешной темноте, потому что дежурное освещение погасло, а я прекрасно чувствовал себя в этой темноте, все снова и снова прокручивая перед собой эту сценку — настоящий подарок свыше: немножко парижской жизни в стилистике Оффенбаха.

Не успел я и носа наружу высунуть, как сильный порыв ледяного ветра проветрил мне мозги.

Боже, как же я медленно соображаю. Я развер-

нулся и бегом поднялся наверх.

В-четвертых, маркиза

— Он вам мешает, да?

Он больше не пел. Его широкие плечи почти целиком перегораживали дверной проем, на мсье был клетчатый жилет, полосатая рубашка и бабочка в горошек — шерсть, хлопок и шелк всех цветов радуги прекрасно дополняли друг друга. Не знаю, то ли из-за его маленького роста, то ли из-за разноцветного жилета, то ли из-за его бороды, но он мне напомнил невероятного, колоритнейшего Гарета из фильма «Четыре свадьбы и одни похороны». Его дочки были уже тут как тут и, задрав головы, разглядывали меня, как и давеча, с самым серьезным видом. Но все это было сплошное притворство. Чувствовалось, что малышкам нравится комедиантство и их напускная важность — это часть игры: им хотелось продолжения.

— Нет-нет, что вы! Но я подумал, что мог бы вам помочь поднять его к…

Не дав мне закончить фразу, он обернулся и громогласно возопил:

— Алис! Я наконец узнал, кто ваш любовник! Но он и впрямь очаровательный юноша… Я горжусь

вами, любовь моя!

— Но… позволь… которого ты имеешь в виду? — прощебетала неверная.

И тут появилась Алис.

Явление Алис.

Не знаю, какая из этих двух фраз подходит лучше, чтоб выразить то, что я испытал. Моя соседка сверху, хозяйка коляски, оставляющая после себя крошки и упаковки молока, подошла. Она узнала меня и улыбнулась. Если бы в тот момент, когда она улыбалась мне, глядя прямо в глаза, она бы не оперлась о плечо своего мужа (она была значительно выше него), небрежно приобняв его за шею, то я бы тут же в нее влюбился. Вот прямо здесь и сейчас и на всю оставшуюся жизнь. Увы, эта маленькая деталь — ее небрежность — ставила под сомнение саму возможность нашего счастья. Именно это делало ее такой красивой и сексуальной. Ее нежность, доверие, то, как она инстинктивно прижалась к мужу прямо здесь, на пороге квартиры, пусть даже с тряпкой в руках, просто так. Чтобы узнать новости… Потому что она обожала своего комедианта-муженька (это чувствовалось), и он тоже ее обожал (это бросалось в глаза) и, очевидно, частенько занимался с ней любовью, раз она с такой чудовищной невин-

ностью позволяла себе меня заводить.

Ох, мамочки… Было горячо.

Разумеется, тогда я был слишком взволнован, чтобы анализировать свои мысли, и ограничился тем, что заново пробормотал свое предложение помочь.

— Ой, спасибо! Это так любезно!

Она обрадовалась и тут же стала стягивать с мужа пиджак так, словно это был атласный плащ.

С соблюдением всех необходимых церемоний, но вместе с тем все-таки легонько подталкивая мужа под зад.

Этакая Мэри Поппинс с напористостью Рокки Бальбоа.

Он чертыхнулся, снял запонки, отдал их одной из своих дочерей, другой вручил галстук-бабочку, затем закатал рукава рубашки (из такого тонкого хлопка, что его и впрямь очень хотелось погладить) и повернулся ко мне.

Совершенно круглый, как пробка, напоминавший медвежонка Мишку, он спускался по лестнице, держа по дочке в каждой руке, а я мысленно решал задачку по физике, пытаясь определить, как будет удобнее тащить шкаф: мне или ему идти впереди.

Ему.

Все оказалось не так уж и тяжело, но он, само собою, устроил целое представление, и его юные поклонницы были в полнейшем восторге.

На каждой ступеньке он выдавал сногсшибательные ругательства: «Святыми сосцами моей задницы! Ежкина участь! Тысяча миллионов фур членоцветий! Бельдюговая селедка! Ментенонский толчок! Показушное надувательство рогоносцев! Небесное дерьмище! Дьявольская тряхомундия, пластик твою за ногу!» — и так далее, одно другого краше…

При каждом его ругательстве девочки громко одергивали его, вздымая руки:

— ПАПА!

Я замыкал процессию и упивался происходящим, даром что тащил на себе весь шкаф.

«И что их ждет после такого детства? — спрашивал я сам себя. — Унылая жизнь или умение веселиться? Печеночные колики или дьявольский задор?»

Одному богу известно, как я люблю своих родителей, людей достойных, скромных и спокойных, но как бы я был им признателен, если бы со всей их заботливостью и вниманием они бы раскрыли мне этот секрет… Что счастье, оно прямо тут, за

порогом, и что не надо бояться. Не надо бояться шуметь, быть счастливым, побеспокоить соседей и выругаться от души.

Не надо бояться жизни, будущего, кризиса да и всех прочих ларчиков Пандоры made in China[17], которыми нас так усердно пугали всякие старые дураки, еще более трусливые, чем мы сами, с тем чтобы отбить у нас всяческую охоту и весь барыш оставить себе.

Да, не исключено, что однажды эти девчушки разочаруются, не исключено, что на их долю выпало слишком много радостей и слишком рано, не исключено, что такой всемогущий коротышка-отец их подавляет, но между тем… между тем… какие прекрасные у них останутся воспоминания…

На лестничной площадке четвертого этажа приоткрыла дверь какая-то любопытная старушка.

— Мадам Бизо! Наконец-то! Вот наконец и мадам Бизо! — громогласно возвестил сосед. — Торговый дом Левитана имеет честь вам доставить буфет «Лазурная маркиза», который вы у нас заказали в апреле 1964 года! Смотрите, как он

---

[17] Примечания: 17
Китайского производства (*англ.*).

прекрасен… Пардон-пардон, чуть подвиньтесь, мадам Бизо, пропустите нас… Ну что? Куда вам его поставить?

Она была в ужасе. Я смеялся. Смеялся, хотя и пер на себе весь этот буфет да к тому же стукался об стены, потому что мой увалень сосед, сам того не замечая, регулярно меня придавливал. В конце концов я не выдержал:

— Так, оставьте, — велел я и взвалил шкаф себе на спину. — Я один донесу, так будет быстрее.

— Ах вы мошенник… Хотите один блистать в глазах моей женушки? Мсье желает покорить ее прекрасное сердце? Мсье щеголь, франт и… и пижон жаждет своего часа славы, ведь так?

Он еще не закончил свою тираду, а я уже был у их дверей.

В-пятых, микроволны

Я следовал указаниям его жены, пока он приводил себя в порядок, надевая обратно все то, что давеча снял, включая галстук-бабочку.

— Вот сюда, пожалуйста… В кухню… Ставьте около окна… Какой прекрасный буфет! Как я рада! Как будто я вырезала его из книжки про

Мартину[18], не правда ли? Из той, где Мартина печет блины. Не хватает только Патапуфа[19]!

Стоило мне разогнуться, а сосед уже был тут как тут — с важным видом протягивал мне свою коротенькую ручку.

— Исаак. Исаак Моиз… Как египетский туроператор.

Я чуть было не расхохотался, но он был абсолютно серьезен. Возможно, таким образом он отмечал начало новой эры: на смену шутовству приходит дружба.

— Ян, — отвечаю я, выдерживая его взгляд. — Ян Каркарек.

— Вы бретонец?

— Бретонец.

— Добро пожаловать в наш дом, Ян. Чем я могу вас угостить в качестве благодарности за то удовольствие, что вы доставили Алис?

— Нет-нет, спасибо. Я спешу в кино.

Он уже держал в руке штопор и прямо-таки

---

[18] Примечания: 18

Серия иллюстрированных детских книжек про девочку Мартину (60 альбомов, выпущенных с 1954 по 2014 год бельгийским издательством Casterman) продается миллионными тиражами в тридцати с лишним странах мира (в разных странах героиню зовут по-разному). Автор текстов — Жильбер Делаэ (1923–1997), после его смерти — Жан-Луи Марлье, сын иллюстратора серии Марселя Марлье (1930–2011).

[19] Примечания: 19

Патапуф — собака Мартины.

остолбенел, услышав мой отказ. Он чуть было не подавился.

Алис добродушно улыбалась. Кто-кто, а уж она точно простит мне этот первый неловкий шаг… Девчушки же, напротив, бросали на меня ужасные взгляды загнанных оленят: ну… ну… а как же тогда последний акт?

Часы на микроволновке показывали 20:37. Если добежать до метро, то я еще успею. Да, но… Но сейчас зима… И я голоден… И устал… Да и столько всего накопилось… Но мог ли я позволить себе испортить их компанию?

Мой бедный маленький мозг укротителя Вуф-Хуфов с задачей не справлялся: за эти десять минут я веселился больше, чем за последние десять месяцев своей жизни — и я говорю о «месяцах» только потому, что у меня все же еще осталась гордость, — и ведь все то, что так прельщало меня в этом фильме, а именно: ум, душевность, юмор — я получу, если не пойду его смотреть, в этом я был практически уверен.

Да, но фильм…

— Ян, друг мой, вам не стоит так долго думать, у вас от этого дурацкий вид.

20:38. Я улыбнулся.

Он поставил на место бутылку красного вина,

которую недоверчиво разглядывал в тот момент, и мы с ним отправились в погреб.

На обратном пути я зашел к себе, чтобы сменить рубашку (Алис), оставить мой мобильный (Мелани) и захватить для малышек пару идиотских гаджетов из моих запасов. (Брелок для ключей, который, стоит его потерять, зовет тебя по имени непрерывно и с постепенно возрастающей громкостью, и если ты за это время не сходишь с ума, то в ярости бросаешь его об стену, как только найдешь.) (Запланированное устаревание, это так называется.)

Хе-хе… Их папочка по-другому теперь запоет…

В-шестых, бардак

Можно сказать: «Это все детали». Ну да, конечно… Но знаете, вовсе не обязательно прослушать несколько курсов в школе дизайна, чтоб признавать значение деталей. Самое потрясающее никогда не бросается в глаза, его нужно отыскивать взглядом, а все остальное…

Все остальное не так интересно.

Сущий пустяк, заставивший меня принять приглашение моего соседа зайти к ним в гости

сегодня вечером, заключался не в том впечатлении, что произвела на меня звучность его речей, соответствовавшая колоритности его одежд, не в контрасте между холодом улицы и теплотой его рукопожатия, и, я уверен, не в том отвращении, что вызывала у меня перспектива поужинать очередным кебабом в одиночку, стоя на улице, и даже не в той подрывной работе, что шла у меня внутри, нет, меня заставило сдаться то, что, приглашая меня: «Чем я могу вас угостить в качестве благодарности за то удовольствие, что вы доставили Алис?», он назвал ее по имени, а не просто своей женой.

После того оглушительного скетча в старомодной брутальной и женоненавистнической манере а-ля Саша Гитри[20], что он выдал на лестнице две минуты назад, тот факт, что называть ее по имени для него естественнее, чем использовать этот… ну, в общем-то, собственнический ярлык, меня поразил.

Это мелочь, я согласен.

Однако я очень чувствителен к мелочам.

Другая деталь:

Когда я вернулся, дети сидели за столом. В

---

[20] Примечания: 20

Гитри, Саша (полное имя: *Alexandre Georges-Pierre Guitry*, 1885–1957) — французский писатель, драматург, актер, режиссер и продюсер.

кухне, где мы все собрались, царил шум и гам и полный тартарарам, и, по-моему, даже на полу валялись макаронные «ракушки».

— Идите в гостиную, вам там будет удобнее, и я к вам присоединюсь, как только они закончат, — предложила нам хозяйка дома.

— Держи-ка, — он протянул ей бокал вина, которое перед этим должным образом «проветрил», понюхал и придирчиво распробовал, — легкий руссан[21] от Пьерро, скажешь потом, что ты о нем думаешь… Давайте, малышки, заканчивайте поскорее, потому что здесь присутствующий мсье Ян сказал мне, что у него… (делает заговорщицкое лицо, пучит глаза и интриганским шепотом выдает) есть для вас небольшой подарочек…

Когда мышки смеются между собой, должно быть, это звучит примерно так же.

Мы чокнулись над головами маленьких кумушек, которых такая новость угомонила, даже если подарочек (тяжелый вздох) судя по всему «действительно совсем небольшой», потому что «у него нет сумки». (Я впервые так близко общался с детьми и не знал, что у них настолько развита дедукция.)

---

[21] Примечания: 21
Руссан — сорт винограда.

Алис стояла у мойки и улыбаясь смотрела на меня, пока ее муж, сидя на табурете и прислонившись спиной к стене, чистил своим девочкам клементины и расспрашивал меня о моей жизни.

Одна половина меня с ролью справлялась («А они у вас и в горошек бывают? — веселилась она. — Вуф-Хуфы далматинцы?»), тогда как другая, внутренняя, обещала себе: «Я тоже… Я тоже, когда буду жить с женщиной, буду делать как он. Я не оставлю свою любимую на кухне одну с детьми. Я не буду поступать, как все прочие мужики, которых я знаю и которые уходят в гостиную наслаждаться покоем и общением между собой».

Это была другая деталь.

— О чем вы задумались, Ян? У вас такой мечтательный вид…

— Нет, нет… Ни о чем.

Я ни о чем не думал, просто вспомнил, что уже живу с женщиной.

* * *

От вина я становлюсь особенно восприимчивым и все впитываю как губка. Я ничего не

ел с самого утра и чувствовал себя прекрасно. Немножко пьяным, потерявшим голову, веселым.

Я смотрел вокруг, наблюдал, задавал вопросы, учился. И здесь во мне просыпался тот самый любознательный сборщик информации, ни на что не годный дилетант.

… выцветшие золотые рыбки, увядающие ранункулюсы, тонкое стекло бокала, из которого я пил вино, стулья в стиле Наполеона III, большой стол из школьной столовой английского пансиона со столешницей темного дерева, почти черной, отполированной за два века бесчисленным множеством тарелок и рук, в общем гвалте требовательно стучавших оловянными приборами, о чем свидетельствовали маленькие углубления, вереницей тянувшиеся по всему периметру; девчушки, сидевшие на стопках каталогов Artcurial[22], канделябры, в подтеках палевого воска похожие на плакучие ивы, люстра Поля Хеннингсена[23] с шикарной патиной

[22] Примечания: 22

Artcurial Holding SA — французский аукционный дом.

[23] Примечания: 23

Хеннингсен, Поль (*Poul Henningsen*, 1894–1967) — датский писатель, архитектор, дизайнер, создатель знаменитых светильников, один из пионеров датского функционализма.

и отломанной чешуйкой (или листом?), список предстоящих покупок, вынутые из рам картины позабытых и малоизвестных художников, никуда не годная бриошь на никуда не годной подделке под Шардена[24] и бессчетные пейзажи, брошенные, забытые, потерянные при передаче наследства, замеченные, спасенные и извлеченные Исааком на свет божий.

Более свежие рисунки, гравюры, очень красивые пастели, а также рисунки детей, прикрепленные магнитиками к холодильнику: загорающая луна, сердечки в виде кружочков и принцессы с огромными руками.

Фотографии из фотоавтомата, не утвержденные министерством внутренних дел. Фотки, на которых не было никого или же только, может быть, в правом нижнем углу торчал кусочек уха плюшевой игрушки… Извещения из школы, расписание занятий в бассейне, и снова на повестке дня вши. Заварочные чайники, старинные пиалушки, жестяные банки для чая. Чугунное литье, керамика, плетение, обточенное дерево. Лаковая посуда и маленькая бамбуковая сбивалка. Али-

[24] Примечания: 24

Шарден, Жан-Батист (полное имя: *Jean Baptiste Simeon Chardin*, 1699–1779) — французский живописец, известный своими работами в области натюрморта и жанровой живописи.

сино увлечение керамикой. Раку-яки, костяной фарфор, синие и селадоновые глазури, фарфор и копченая керамика.

Она рассказывала мне о разных глазурях (такой стекловидный слой, которым покрывают изделие при запекании) (ну, в общем, что-то в этом роде) (она говорила быстро) (а я уже и сам к этому моменту «спекся»), о том, что японская керамика выглядят более кустарно, потому что всякие отметины, свидетельствующие о превосходстве природы над творениями рук человеческих (своими неправильностями и асимметрией обязанные духам земли, ветра, солнца, воды, дерева или же огня), считаются там признаком совершенства, а китайские чашки, наоборот, славятся своей симметричностью и невероятной гладкостью.

Обжиговые печи Ру, Джунь и Лонгуань. Вот эта чашка «с тончайшей стенкой», вот «бархатистая» глазурь, а эта «гладкая, как заячья шерстка». Настоящие сокровища эпохи Сун, а главное, счастье слушать рассказы о китайской цивилизации, а не о китайском импорте.

Остановившиеся ходики, птичьи черепа, разложенные на этажерке между пачкой шоколадного печенья и банками варенья, репродукция фо-

тографии Жака-Анри Лартига[25], на которой запечатлена эта девушка, которая сто лет тому назад падала, смеясь и демонстрируя свои нижние юбки. Анонсы выставок, приглашения на вернисажи и дружеские записки от галеристов, умелых манипуляторов. «В самом деле, все деньги, что зарабатывает Исаак на продаже своих древностей, я отдаю ныне живущим артистам!» Косичка розового чеснока, эспелетский перец, пузатая айва, мумифицировавшийся гранат, засахаренный имбирь в серебряной дегустационной чашке, целая коллекция перцев, перец длинный, камбоджийский красный, индонезийский белый, пучки свежей мяты, кориандра, тимьяна и деревянные ложки.

Кошачья миска с сухим кормом в виде маленьких рыбок и кошачий хвост, задевавший мои лодыжки, переполненная помойка, чистые и грязные кухонные полотенца, кулинарные книги, рецепты Оливье Роллинже[26] и Мапи де

---

[25] Примечания: 25

Лартиг, Жак-Анри (*Jacques-Henri Lartigue*, 1894–1986) — французский фотограф и живописец.

[26] Примечания: 26

Роллинже, Оливье (*Olivier Roellinger*, 1955 г. р.) — знаменитый бретонский шеф-повар.

Тулуз-Лотрек[27], назначение диетолога, забытое между «Библией потрохов» и «Словарем французских сепажей», приглушенная музыка, карибское регги, корзинка миндальных орехов, которые Исаак колол и всем по очереди предлагал, свежий фруктовый вкус этого белого вина, особенно яркий после двух-трех миндалин, аромат клементинов и их потенциал: если правильно снять кожуру и налить в нее немножко оливкового масла, то получаются маленькие самодельные свечки, и остается только погасить свет, чтоб любоваться дрожанием этих светильников.

Зернистость их прозрачной оранжевой шкурки, запахи готовящейся еды, нотки кардамона, гвоздики, меда и соевого соуса, настаивающиеся на благоухании томящегося мяса, а когда наклоняешься, чтобы снова зажечь упрямую свечку, то от волос девчушек веет ромашкой…

Алебастровые серьги-капельки в ушах у Алис, крошечные старинные часики на ее руке, ее волосы, собранные на затылке в свободный шиньон, ее длинная шея. Трогательно выпирающая цепь позвонков, спускающаяся под воротник мужской

---

[27] Примечания: 27

Тулуз-Лотрек, Мапи де (*Mapie de Toulouse-Lautrec*, 1901–1972) — французская журналистка, автор кулинарной рубрики в журнале Elle и нескольких популярных кулинарных книг.

рубашки с вышитой под правой грудью монограммой «И. М.», грубые джинсы, пряжка ремня (варварской, простой чеканки, в духе Торгала и Арисии[28]), ее манера держать бокал, прижимая его к губам, и улыбаться нам сквозь него, ее манера смеяться шуткам мужа и восхищение самого мужа тем, что ему по-прежнему удается смешить ее, что у него по-прежнему получается делать так, что она точно расхохочется без всякого удержу и так же глупо, как в тот первый раз, когда они познакомились — как раз об этом он мне сейчас и рассказывал — в отделе Rosy отошедшего ныне в мир иной магазина «Самаритэн», куда он пришел, сопровождая свою матушку, отчаявшуюся найти моделирующие трико своего размера, и где Алис в тот момент изучала немыслимые корсеты, рассчитывая впечатлить какого-то мужчину, но явно не его, и чтобы ее соблазнить, ему пришлось в оригинальной версии с субтитрами исполнить перед ней номер Софи Лорен из фильма «Чертовка в розовых колготах» [29], выскочив

[28] Примечания: 28

Главные герои серии фэнтезийных комиксов Thorgal, основанной на скандинавской мифологии. Серия выходит с 1977 года.

[29] Примечания: 29

В русском прокате фильм выходил под названием «Чертовка в розовом трико» (1960 г.), реж. Джордж Кьюкор.

из примерочной, как черт из табакерки, в самых что ни на есть розовых колготах.

Только сейчас она ему призналась, что тогда, деликатно обождав, пока они удалятся, она снова без всякого зазрения совести принялась копаться в этом женском барахле и лишь у кассы сдулась: она уже не хотела реанимировать свои отношения с другим мужчиной, она хотела просто смеяться с этим толстеньким коротышкой в светлом льняном костюме, который на парижском идише общался со своей матушкой, а с ней заговорил на итальянском Альдо Маччоне[30]. Она хотела, чтобы он разыграл перед ней, как обещал, и «Босоногую крестьянку» [31]и «Куколку гангстера» [32]. Никогда в своей жизни она ничего не хотела так сильно, так отчаянно. Она всюду их искала, бежала по улице и, догнав их уже на набережной Межисри, вся красная, запыхавшаяся, задыхающаяся, прямо перед витриной какой-то галдящей птичьей лавки, с ходу пригла-

---

[30] Примечания: 30

Маччоне, Альдо (*Aldo Maccione*, 1935 г. р.) — итальянский актер.

[31] Примечания: 31

«Босоногая крестьянка» — французское название фильма «Чочара» (1960 г.), реж. Витторио де Сика.

[32] Примечания: 32

«Куколка гангстера» (1975 г.) — комедия реж. Джоржо Капитани с Софи Лорен и Марчелло Мастроянни в гл. ролях.

сила его поужинать вместе вечером того же дня. «Сыночек, сыночек, — забеспокоилась пожилая дама, — мы что-то забыли оплатить?» — «Нет, мама, нет. Не волнуйся. Просто эта девушка только что попросила у тебя моей руки» — «Ох! Ты меня напугал!» А она с сердцем, выскакивавшим из груди, смотрела им вслед, как они удалялись, идя под ручку, под насмешливый щебет десятков птиц.

Я воспрял, наслаждался и ликовал всеми фибрами своей души. И это не вино пьянило меня, а они. Эти двое. Вся эта взвинченность, эта игра между ними, то, как они все время перебивали друг друга, протягивали мне руки, словно стараясь втащить меня на борт, на борт своего корабля, чтобы смешить снова и снова. Мне очень все это нравилось. Я чувствовал себя куском мяса, вытащенным из морозилки на солнышко.

Я уж и забыл давно, что сам такой остроумный, восприимчивый, душевный и настолько достойный внимания. Да, я уже давно все это забыл. Или, быть может, никогда об этом не знал…

Я взрослел, молодел, таял от удовольствия.

Конечно, в какой-то момент я задумался о естественности происходящего. В моей голове возник вопрос о том, мое ли присутствие так их заводит

и вдохновляет, или же они всегда такие, но ответ был понятен: ни я, ни алкоголь, какими бы возбудительными свойствами мы ни обладали, все же не имели особого значения, и то, что я там наблюдал, было обычной жизнью этих людей, их повседневностью, рутиной. Меня принимали радушно, но я был всего лишь желанным гостем, случайным зрителем, а завтра на этой кухне будут развлекаться ничуть не меньше.

Я только диву давался.

Я не знал, что можно так жить. Просто не знал. Я чувствовал себя бедняком, попавшим в гости к очень богатым людям, и, признаюсь, не только восторгался ими, но и ощущал некоторую грусть и зависть, поднимающиеся откуда-то из глубины души. Самую малость… Нечто, причиняющее боль… Я никогда бы не смог, вернее мне никогда бы не удалось все это выразить. Никогда. Все это было слишком неуловимо.

Слушая их и охотно поддерживая разговор, я восхищался и тем, как ловко их девчушки приноровились не высовываться, словно прячась за своеобразным зонтиком. Они уже давно просекли, что взрослые не столько интересуются ими, сколько заняты самими собой, и отгородились от

них, чтобы не расстраиваться.

Они болтали между собой, хихикали, занимались друг дружкой, жили своей собственной жизнью и уже давно ушли из-за стола, когда Исаак — (бульк) «Быть тебе женатым в этом году!» [33] — вылил в мой бокал остатки вина из первой бутылки (он выбрал три разные, две из них красного вина, которые он откупорил и снова заткнул пробками сразу, как только мы поднялись из погреба…), посмеиваясь в бороду и слушая наверное уже в тысячный раз окончание истории их знакомства.

Он принял тогда ее приглашение и не только развлекал ее весь вечер, но и смог взволновать и заинтриговать, позволил проводить себя до дома (идти до ее дома деликатность не позволяла, там за дверью прятался кандидат в рогоносцы) и неожиданно попрощался, встав на цыпочки, чтобы ее поцеловать.

«Алис, моя маленькая Алис… — заявил он ей, крепко сжимая ее длинные руки в своих коротеньких, — предпочитаю сразу вас предупредить: нам будет непросто… Мне сорок пять лет, я никогда не был женат и до сих пор живу с мамой…

---

[33] Примечания: 33
Французская народная примета.

Но доверьтесь мне, в тот день, когда я вас ей представлю, у нас уже будет малыш, так что она будет слишком занята, выискивая у него мои черты, и не станет вас упрекать за то, что вы не еврейка». Она согнула колени, чтоб подставить ему вторую щеку, и все произошло именно так, как и предполагалось, вот только она даже много лет спустя, а именно сегодня вечером, так до сих пор и не пришла в себя! С насмешливым видом, сложив руки в замок, она разыгрывала передо мной эту безумную сцену, имитируя внезапную серьезность его голоса: «Алис… моя маленькая Алис… Нам будет непросто…» — и смеялась. До сих пор смеялась, вспоминая и чокаясь с нами в память об этом прекрасном безумстве.

Мадлен и Мизия — их имена я узнал, знакомясь с инструкцией (?) к моему подарку — кое-как меня оседлали и безмолвно принялись слушать.

— Значит так, нажимаете на эту кнопку… Вот на этот маленький ротик… И когда загорается зеленый огонек, говорите свое имя. Или все, что хотите, кстати… Придумывайте, что ваш брелок скажет вам, если вы его позовете. Например: «Мизия! Найди меня!» или «Мадлен! Я здесь!», а потом снова нажимаете на ту же самую кнопку, и если вы теряете брелок, то вам достаточно просто

хлопнуть в ладоши, и он станет повторять вам то, что вы записали. Удобно, правда?

— И что дальше?

— Дальше… уф… дальше, я не знаю… Дальше вам остается только попробовать самостоятельно! Пусть каждая из вас запишет на брелок, что хочет, вы поменяетесь брелоками и спрячете их как можно лучше, и выиграет та, которая первой найдет свой!

(Эй, а я отлично умею обращаться с детьми, ага? Черт, даже не ожидал от себя такого.)

— Выиграет что?

— Ремня, — прорычал их отец, — ремня получит, два здоровенных шлепка по заднице.

Мышата запищали и бросились спасаться.

Уже не помню как, переходя от одного к другому, мы дошли в разговоре до обсуждения бразильской мебели 50-х и 60-х годов, до Кальдаша, Тенрейро, Сержиу Родригеша[34] и прочих, тем временем Исаак (все обо всех знавший, со всеми знакомый, никогда не говоривший банальностей, а главное, и это особенно вдохновляло, никогда не говоривший о деньгах, спекуляциях,

[34] Примечания: 34

Кальдаш, Жозе Занин (*Jose Zanine Caldas*, 1919–2001); Тенрейро, Жоаким (*Joachim Tenreiro*, 1906–1992); Родригеш, Сержиу (*Sergio Rodrigues*, 1927 г. р.) — известнейшие бразильские дизайнеры XX века.

рекордных продажах, не рассказывавший всех этих хвастливых историй, которые вечно портят любой разговор об искусстве в целом и дизайне в частности) передавал мне стаканы и тарелки, а я неловко складывал их в посудомоечную машину, как вдруг из глубины коридора до нас залпами донеслось «Пукалка-писилка» и «Пукалка-какалка», гнусавый металлический голос становился все громче, громче, громче И ЕЩЕ ГРОМЧЕ, пока не заполонил всю квартиру.

Scato, allegro, crescendo, vivacissimo[35]!

Брелоки, по всей видимости, были запрятаны на совесть, а маленькие бестии слишком развеселились, чтобы утруждать себя поисками.

Они хлопали в ладоши, дожидались ответа и покатывались со смеху, аплодируя снова и снова завидному упорству своих азиатских попугайчиков, которые тут же им отвечали, с каждым разом все громче и громче.

Алис хохотала, потому что ее дочки оказались такими же глупыми, как она сама, Исаак безутешно качал головой, потому что он был

---

[35] Примечания: 35

Игра слов: в ряду музыкальных терминов, обозначающих характер и темп звучания музыки — аллегро, крещендо, вивачиссимо (живо, постепенно усиливая, очень быстро), — появляется созвучное staccato (коротко, отрывисто) scato — приставка, обозначающая каловые массы.

безутешен, он, единственный сын, принесенный в жертву, удерживаемый в этом девчачьем мире, а я не верил своим ушам: откуда в столь невинных созданиях, таких крохотных, с такими хрустальными голосочками, берется столько смеха, причем такого оглушительного?

* * *

Вопрос, останусь ли я с ними ужинать, даже не стоял. Точнее, мне его не задавали. Расстилая белую скатерть, Алис наклонилась в мою сторону (о-о-ох… звук прикосновения ее рук к льняной материи… вырез ее рубашки… и шелковистый покров ее лифчика… и… уф… ох, сердце мое… как же оно забилось…), и вот на эту самую скатерть Исаак поставил три тарелки с приборами, рассказывая мне о той Бразилии Оскара Нимейера[36], которую впервые увидел в 1976 году.

Он вспоминал собор, его размеры, акустику и явственное отсутствие там Бога, чересчур смущенного и затерянного в этом пространстве, искал хлеб, резал его, описывал Верховный суд

[36] Примечания: 36

Нимейер, Оскар (полное имя: *Oscar Ribeiro de Almeida de Niemeyer Soares Filho*; 1907–2012) — виднейший латиноамериканский архитектор XX века, один из основателей современной школы бразильской архитектуры.

и министров, спрашивал, ставить ли тарелки для супа, расстраивался, что я никогда не бывал на площади полковника Фабьена, предлагал меня туда сводить и доставал для меня чистую салфетку.

Я мог бы быть его сыном, раз уж все равно не был любовником его жены…

— Да вы устали, — неожиданно спохватился он. — А я вас тут достаю своими историями, да?

— Вовсе нет! Абсолютно не так! Совсем наоборот!

Я и правда тер глаза, но вовсе не потому, что хотел спать, а потому что хотел незаметно их утереть.

Не удалось.

К тому же, чем больше я их тер, тем сильнее у меня текли слезы.

Идиот.

Я шутил. Говорил, что это все от вина. Что у меня «морская» реакция на вино — соленая. Все дело в том, и это доказано, что пары гранита гложут душу, все дело в придорожных распятиях, в приношениях по обету, в сизигийных приливах… Знаменитая хандра Арморского побережья…

Конечно, никого я не обманывал. Просто я на тот момент окончательно разморозился и, заново

обретя чувствительность, выдал излишки влаги, вот и все.

Ладно, ладно… Проехали. Поддался душевному порыву, с кем не бывает? Ох уж эта душа, этакий крохотный комочек где-то вот здесь… паразитка, которая вдруг всколыхнется, чтобы напомнить тебе, как мелко и мелочно ты живешь и как давно потерял себя в своих абсурдных и слишком больших для тебя мечтах. А те, с кем этого не бывает, просто смирились. Или даже лучше, куда лучше и удобнее: они никогда не чувствовали потребности оценить себя с точки зрения… ну, не знаю… просто оценить себя, посмотреть на себя со стороны. Как же я им завидовал, черт подери. И чем старше я становился, тем сильней мне казалось, что люди, они практически все такие, а вот со мной явно не все в порядке. Что это я занимаюсь беспочвенным самокопанием.

Хотя мне это совсем не свойственно, я уверен. Я не люблю жаловаться. Я не был таким в детстве. Суть в том, что я не знаю, что происходит в моей жизни… И я говорю не о жизни вообще, а именно о своей собственной. Мой возраст, моя никому не нужная молодость, мой никого не впечатляющий диплом, моя идиотская работа, шестьдесят баллов Мелани, фальшь ее губ, чмокающих пу-

стоту, мои родители… Родители, которым я уже не осмеливаюсь звонить, родители, больше не осмеливающиеся звонить мне, родители, которые раньше всегда были рядом, а теперь все, чем они могут меня одарить, это их ненавязчивость.

Это ужасно.

Отступление:

Однажды, когда я сопровождал свою бабушку Сен-Ке на могилу ее сына (старшего брата моей мамы, последнего в семье рыбака, промышлявшего в море), она сказала мне, что счастье узнают по звуку, с которым оно уходит. Мне было тогда лет десять-одиннадцать, и у меня только что стащили мой нож и такелажный ключ, так что ее слова попали прямо в точку.

Так вот, с любовью все наоборот. Любовь распознается по тому бардаку, с которым связано ее появление. Взять, к примеру, меня: стоило только какому-то милому, веселому и образованному человеку, соседу по подъезду, которого я едва знаю, поставить передо мной стакан, тарелку, вилку и нож, и вот я уже разваливаюсь на части.

Словно этот тип отыскал тайную брешь в моей броне, вбил в нее клинышек, а теперь с кувалдой в руке преспокойно прогуливается вокруг.

Любовь.

Неожиданно я понял Алис. Понял, почему она запаниковала тогда, в тот первый день в «Самаритэн», когда, подняв голову, она подумала, что потеряла его навсегда. Я понял, почему она бросилась бежать, как сумасшедшая, и пристала к нему прямо на улице.

Она с такой силой схватила его за руку не потому, что хотела заставить его обернуться, а потому, что хотела за него уцепиться. И именно от этого ее жеста мне захотелось взвыть: держась за него, она чувствовала себя твердо стоящей на земле.

— Алис, малышка… Этот парень умирает с голоду…

— Девочкам завтра в школу, хорошо бы сначала их уложить спать, — закапризничала она.

В глубине квартиры мгновения тишины (когда происходила запись) сменялись чистым безумием («кто не спрятался, тот черт знает что такое» и прочие дебильные слоганы, эхом разносившиеся по саванне).

— *Надо было* в школу, — исправилась она, — ну да ладно, тогда за стол. Тыквенно-каштановый отведает супчик, позабудет о хандре бретонский наш голубчик, это лечит от тоски.

— На соске волоски.

Тихий ангел пролетел в сильном удручении.

— Ох, прошу вас, да не смотрите же вы так на меня. Я тоже имею право впадать в детство, разве нет?

Исаак подсказал, как пройти в ванную, и я отправился мыть руки.

За исключением детской спальни в конце коридора — оживленной комнаты в розовых тонах, в остальной части квартиры, во всяком случае, в той, которую я мог увидеть, совсем ничего не было. Ни ковров, ни мебели, ни ламп, ни занавесок, голые стены и абсолютная пустота.

Странное впечатление. Как будто вся жизнь на этой планете сосредоточилась на кухне.

— Вы собираетесь переезжать? — спросил я, разворачивая свою салфетку.

Нет, нет, это просто чтобы глаз отдыхал. У них был на юге большой деревенский дом — бывшая овчарня, они уезжали туда при малейшей возможности, и там все было забито всякими сентиментальными безделушками, но здесь, за порогом кухни, Исааку ничто не должно было напоминать о его работе.

— Спальня для девочек, кухня для всей семьи, диван, чтобы слушать музыку и кровать, чтоб заниматься любовью! — похвалился он.

Алис подтвердила, что ее это устраивает, она

понимает, ей нравится. И что у нее зато потрясающая кровать. Огромная. Трансатлантическая.

(Трансатлантическая кровать…) (Эта женщина обладала удивительной способностью без всякой задней мысли эротизировать все подряд.) (Психологически это утомляло.) (В этимологическом смысле слова.) (Вызывало томление в чреслах.)

* * *

Мерцание свечей, бархатистость крем-супа, хлебный мякиш, тонкое мясное филе, дикий рис, чатни домашнего приготовления и это вино, вино, что согревает вас понемножку, наполняя жизнью и освобождая от вас самих, вино, которое… *сцинтиграфирует* вашу душу; все реже и тише раздаются голоса девчушек (по мнению их матери, этого следовало ожидать) (они старались не напоминать о себе, как раз считая, что о них все забыли) (думаете, такое возможно?) (чтобы такие маленькие девочки были уже настолько хитрыми?) (нет…) (да бросьте…) (еще немного иллюзий, мсье палач…), течение нашего разговора, наш смех, провокации, споры, разногласия и совпадения мнений, и я уже тогда понимал, что поутру ничего не вспомню (потому что мне будет, да нет, уже было слишком весело), но и не забуду

ничего. Что этот вечер станет для меня вехой, своего рода рождеством Христовым. Что отныне моя жизнь будет делиться на до и после, а Алис и Исаак — все это осознавалось мною еще довольно смутно, но я уже точно это знал, и это единственное, в чем я тогда под благодатным воздействием алкоголя был абсолютно уверен — отныне стали для меня примером для подражания.

И мне было страшно.

Я уже чувствовал, что похмелье окажется невыносимым.

Перескакивая с одного на другое, с пятого на десятое, мы добрались до десерта, обсудили профессию Алис (учительница танцев) (ах, вот оно что…) (какое красивое у нее должно быть тело…), Майкла Джексона, Каролин Карлсон[37], Пину

[37] Примечания: 37

Карлсон, Каролин (*Carolyn Carlson*, 1943 г. р.) — американская танцовщица и хореограф финского происхождения, работающая преимущественно во Франции, основатель Международного фестиваля современного танца в рамках Венецианского биеннале современного искусства.

Бауш[38], Доминика Мерси[39], театры дю Шатле[40], Бродвейский, Жан-Вилара[41] в Сюрене и Стэнли Донена[42] (я просил ее передать мне воду, соль, масло и черт знает что еще исключительно ради удовольствия видеть, как тянется ко мне ее рука), поговорили о ее маме, которая работала пианисткой в балетной школе и большую часть жизни смотрела, как «крысята» [43]учатся летать, а в прошлом году умерла, сокрушаясь, что так «неловко» сыграла свою «последнюю фугу», об онкологии, о болезни в целом и об институте Гюстава Русси[44], о всех этих бесценных врачах и медсестрах, о которых никогда не говорят, о том, сколько единиц жизни разом забирает у вас горе, о безоблачном счастье детских лет, которое никогда не было таким уж безоблачным, просто

---

[38] Примечания: 38

Бауш, Пина (полное имя: *Philippine Bausch*, 1940–2009) — немецкая танцовщица, один из самых знаменитых и провокационных европейских хореографов, коренным образом реформировавшая представления о современном балете.

[39] Примечания: 39

Мерси, Доминик (*Dominique Mercy*, 1950 г. р.) — французский танцовщик, хореограф, педагог, с 1974 года член труппы Пины Бауш, возглавивший труппу после смерти Пины.

[40] Примечания: 40

Театр дю Шатле — один из старейших музыкальных театров Парижа, основанный в 1862 году.

[41] Примечания: 41

Вилар, Жан (*Jean Vilar*, 1912–1971) — французский актер театра и кино,

режиссер, постановщик, директор театра, создатель Авиньонского театрального фестиваля. Имя Вилара носят несколько французских театров.

[42] Примечания: 42

Донен, Стэнли (*Stanley Donen*, 1924 г. р.) — американский кинорежиссер, продюсер и хореограф, получивший на родине титул «короля голливудских мюзиклов».

[43] Примечания: 43

«Оперные крысята» («Petits rats de l'Opera») — шутливое прозвище, которым издавна называли учеников балетной школы при «Опера Гарнье».

[44] Примечания: 44

Институт Гюстава Русси — научно-исследовательский институт и медицинский онкологический центр, основанный в 1921 году как первый в Европе центр борьбы с раком, на сегодняшний день считается одним из лучших в мире.

о счастье, о Боге, Его таинствах и противоречиях, о фильме, который я собирался посмотреть в тот вечер и той незабываемой сцене, когда родители решаются потерять из виду собственного сына, чтоб его не тяготили его сыновьи чувства, о моих родителях, о старинном автомобиле, который мой отец с любовью реставрировал вот уже более сорока лет, пообещав закончить ремонт к свадьбе моей сестры, о моей сестре, которая с тех пор уже развелась, и о ее дочери, моей племяннице, на чьи хрупкие плечики, покрытые татуировками, отныне возлагались самые большие надежды деда с его «Фиатом-Балиллой» [45], украшенным белыми лентами, о нашем районе, о местных коммерсантах, о булочнице, которая плохо к нам относилась, а когда отворачивалась, на ее толстых булках частенько виднелись следы испачканных мукою рук, о школе, о музыке, с которой никогда не знакомят детей в том возрасте, когда она им так нужна и когда они могли бы учиться играючи, обо всем этом злополучии, о революциях, для которых нужна смелость (Алис рассказала, что они вместе с ее другом перкуссионистом раз в неделю ходят в

[45] Примечания: 45

«Фиат-Балилла», или «Фиат-508», автомобиль, выпускавшийся компанией «Фиат» с 1932 по 1937 год.

детские сады и показывают малышам разные музыкальные инструменты: треугольники, маленькие гуиро[46], маракасы[47]… и добавила, что в мире нет ничего более вдохновляющего, чем глаза малыша, неподвижно слушающего «шум дождя»); о теории Исаака, согласно которой вся жизнь, об этом стоило помнить, может зависеть от одной мушиной какашки — он понял это очень рано, когда ему было лет семь и его спрашивали, как правильно пишется его фамилия, по тому, как менялось все вокруг в зависимости от его ответа — с одной или с двумя точками над «i» [48], о цинизме, об отстраненности и, наконец, о силе, которую дало ему это открытие, от точки… одна или две… для ребенка, это было головокружительно; о русских балетах, о Стравинском, о Дягилеве, о кошке, доставшейся им от их соседей с Юга, которая — мяуинг — даже мяукала с южным

---

[46] Примечания: 46

Гуиро — латиноамериканский музыкальный инструмент, первоначально изготовлявшийся из плодов горлянки.

[47] Примечания: 47

Маракас — древнейший ударно-шумовой инструмент коренных жителей Антильских островов, разновидность погремушки.

[48] Примечания: 48

Моиз — *франц.* Moïse: фамилия героя при написании с двумя точками над «i» омонимична во французском языке имени еврейского пророка Моисея, основоположника иудаизма. Написание одной точки над «i» полностью меняет произношение.

акцентом, о том, как печенье Chamonix нашего детства отличается от сегодняшнего — также, как печенье Figolu, и что? — то ли мы сами так изменились, то ли рецептура? — о Мансаре[49], о принце де Лине[50], о краснодеревщиках и художественной ковке, о книгах издательства Vial[51], о Баухаузе[52], о миниатюрном цирке Колдера[53] и системе указателей в Берлинском метро.

Среди всего прочего.

Остальное расплывчато.

В какой-то момент Алис ушла укладывать девочек спать, а я не сдержался и спросил у хозяина, правда ли это. Правда ли та история, что они мне рассказали. О том, как они познакомились и все такое.

— Что, простите?

---

[49] Примечания: 49

Мансар, Франсуа (*François Mansart*, 1598–1666) — архитектор, один из родоначальников французского классицизма.

[50] Примечания: 50

Линь, Шарль-Жозеф де (полное имя: *Charles-Joseph Lamoral, 7 e prince de Ligne*, 1735–1814) — принц, фельдмаршал, дипломат, писатель.

[51] Примечания: 51

Основанное в 1910 году Издательство Vial специализируется на прикладной литературе по художественным ремеслам.

[52] Примечания: 52

Баухауз (Bauhaus Hochschule für Bau und Gestaltung — Высшая школа строительства и художественного конструирования) — учебное заведение, существовавшее в Германии с 1919 по 1933 год, а также

художественное объединение, возникшее в рамках этого заведения, и соответствующее направление в архитектуре.

[53] Примечания: 53

Колдер, Александр (*Alexander Calder*, 1898–1976) — американский скульптор, прославившийся своими кинетическими скульптурами — так называемыми мобилями.

— Нет, ну… — забормотал я, — вы что… вы действительно заговорили с ней в тот вечер о ребенке? Прямо у дверей собственного дома? Будучи с ней едва знакомы?

Какой прекрасной улыбкой ответил он на мои слова. Он аж зажмурился, и каждый волосок в его бороде так и завился от удовольствия. Он пригладил бороду, наклонился вперед и по секрету тихонечко мне сказал:

— Но Ян… Мой юный друг… Конечно, я ее знал. Ведь с любимыми не знакомятся, их узнают. Разве вы этого не знали?

— Э-э-э… нет.

— Ну что ж, так знайте.

Он нахмурился и добавил, глядя на остатки вина в бокале:

— Понимаете… когда я встретил Алис, я… я был… совершенно больным человеком. Мне действительно было сорок пять лет, я на самом деле был холост и жил с родителями. Ну то есть… с мамой… Как вам объяснить? Вы случайно не игрок?

— Что, простите?

— Я говорю не о «желтом карлике» или «рус-

ском банке» [54], я о страдании, о зависимости. Об Игре на деньги и с большой буквы: о казино, о покере, о скачках…

— Нет.

— Тогда я сомневаюсь, что вы сможете меня понять…

Он поставил бокал на стол и продолжил, больше не глядя мне в глаза:

— Я был… охотником… Скорее, собакой… Да, именно так, собакой… Охотничьим псом… Вечно озабоченный, все время на стреме, томящийся, скребущийся, роющий землю… Одержимый стремлением найти, выследить, принести… Вы даже не представляете, кем я был, Ян, вернее сказать, чем я был… Нет, вам этого не понять… Я мог преодолевать тысячи километров одним махом, без сна, мог обходиться без еды и не писать целыми днями… Мог пересечь всю Европу просто по наитию, в поисках какого-нибудь клейма, подписи, в смутной надежде обнаружить, быть может, этакий изгиб или в какой-то особой манере нарисованные облака… Убежденность в том, что где-то там, будь то в Польше, в Антверпене или Вьерзоне, да где угодно, можно откопать некую

---

[54] Примечания: 54
Карточные игры.

ценную лакированную вещицу, стоит только вскрыть подвесной потолок или приподнять матрас. Проделать не одну тысячу километров и с первого взгляда осознать, что промахнулся и что нужно скорее! ехать дальше! — потому что и так уже потратил слишком много времени и рискую теперь упустить другую возможность, так что медлить нельзя ни минуты!

Молчание.

— Я от этого терял и покой, и сон, и человеческий облик, и сознание… Говорят, у охотников привкус крови во рту, я же, когда сжимал зубы, чувствовал, что пережевываю пыль аукционных залов, пахнущую воском, лаком, коврами, старой волосяной набивкой. Пахнущую потом, страхами, тихим бздением перед сильным поносом, зловонным дыханием всех этих чокнутых стариков, которые из-за пятнышка ржавчины готовы стать на дыбы, тогда как до собственных гниющих зубов им нет никакого дела… да, меня постоянно преследовала вонь дизельных выхлопов грузовиков, запахи быстро пересчитываемых и быстро зарабатываемых купюр, домов в трауре, воюющих наследников, хосписов у черта на куличиках и полуразрушенных замков… тоскливых развалин, растаскиваемых на куски… запах

смерти, витавший вокруг некоторых особняков, некоторых знакомых мне любителей и некоторых коллекционеров, которые, как мне было известно, знали меня. Возгласы аукциониста, приглушенный стук молотка, продажи с торгов, объявления о смерти, записанные в ежедневник, тайны, которые порой открывают, стряхивая пепел с сигар, курьерская комната дома Друо, часы жизни, проведенные в конторах старых провинциальных нотариусов, чтение «Газет» прямо за рулем, чтобы сэкономить время, постоянная борьба с перевозчиками, экспертная мафия, самолеты, ярмарки, биеннале… Не знаю, Ян, читали ли вы в детстве книжки про трапперов, браконьеров и индейских охотников. Все эти фантастические рассказы про охоту, преследования, сафари… Ахав с его кашалотом[55], Хьюстон с его слонами[56], Эйхман[57] с его евреями… Вы это читали?

---

[55] Примечания: 55

Имеется в виду роман «Моби Дик, или Белый кит» (1851 г.) американского писателя и моряка Германа Мелвилла (1819–1891).

[56] Примечания: 56

Отсылка к фильму режиссера Джона Хьюстона «Корни неба» (1958 г.) по одноименному роману Ромена Гари.

[57] Примечания: 57

Эйхман, Адольф (полное имя: *Otto Adolf Eichmann*, 1906–1962) — немецкий офицер, один из главных ответственных за массовое уничтожение евреев.

— Нет.

— Все они… Все они были совершенно больные люди… Совсем как я.

Он улыбнулся и снова поднял на меня глаза.

Долив нам еще немного вина, которое мы уже не столько пили, сколько потягивали, он продолжил:

— Мой прадед занимался торговлей, мой дед занимался торговлей, так же, как и мой дядя, и мой отец, и его отпрыск вслед за ним. Моисеевы ищейки, гончие псы! (Смеется.) Знаете, почему мой дядя вернулся из лагерей? Потому что хотел привезти своей невесте пепельницу из богемского хрусталя. Он с трудом мог ее поднять и вскоре умер, но вернулся с ней! Так вот, когда я встретил Алис, я тоже был таким. Похожим на привидение, бесплотным духом с мертвым, неподвижным взглядом, который несмотря ни на что приносил, черт побери, неплохой товар! И никогда не возвращался с пустыми руками!

Он замолчал. Надолго.

— И что потом? — рискнул я в надежде на продолжение.

— Потом? Да ничего… Потом я встретил Алис.

Насмешливая улыбка.

— Да ладно, сосед, чего уж там… Не делайте

такое невинное лицо. Я же вам сказал, у меня глаз наметанный. Я вижу насквозь. И я видел, как вы смотрели на нее давеча на лестничной площадке, когда она стояла у меня за спиной, я видел ваш взгляд! Честное слово, ну что я могу вам о ней рассказать такого, что бы вам в ней уже не нравилось?

Он задал мне этот вопрос таким спокойным, ласковым голосом, а я кусал губы, чтобы снова не зареветь.

Из-за пергатских менгиров, сильных приливов, моего ножа «Опинель» и всего прочего.

Удручающе.

К счастью, возможно, из деликатности он снова взялся паясничать:

— Знаете, это была непростая задача — подобрать панталоны, которые пришлись бы по вкусу моей матушке! Утягивающее трико — ее навязчивая идея, помню, как сейчас. Так что у меня было достаточно времени, чтобы тайком понаблюдать за этой девушкой — танцовщицей, как я догадался, — которая изучала все более и более соблазнительные комплекты белья, сравнивая их и хмуря брови так, словно выбирала боеприпасы. Меня заинтриговала ее серьезность, да и потом ее шея меня… мне… ее шея, ее осанка, ее походка…

Конечно, в конце концов она почувствовала мой взгляд. Она подняла голову, посмотрела на меня, на мою маму, снова на меня, ласково нам улыбнулась и спешно положила назад свои кружевные штучки, чтобы нас не шокировать. И вот тут, Ян, вот тут, в это мгновенье я умер и заново родился. Как будто простое выражение, ведь так? Словно я приукрашиваю, но я вам говорю, так как вы в состоянии меня понять и я уже к вам привязался, что это чистая правда. Выкл./Вкл. За долю секунды я успел полностью отключиться/ включиться.

Покончив с миндалем, он чистил теперь клементины и для меня тоже. Он осматривал каждую дольку, аккуратно удаляя все белые прожилки, и ставил их друг за дружкой вокруг моей тарелки.

— Тогда… — вздохнул он, — я сказал себе: слушай, старик, такой прекрасный лот дважды не встречается… и мое сердце, сердце старого еврея, дельца в четвертом поколении, дрогнуло. Если это сокровище уйдет у нас из-под носа, если кто-либо меня опередит, мне останется только откланяться и убираться ко всем чертям. Да, но что я мог сделать, а? Как быть? Вот она уже отвернулась, а моя матушка — ой-ой-ой — затянула свой излюбленный кадиш незадавшегося дня, проклиная своего сына, свою задницу и Всевышнего.

Ох, как же мне было плохо! Вот чем объясняются розовые колготы… Этому меня научила моя профессия, и я думаю, это работает в любой ситуации, где фортуне выпадает шанс позабавиться… Бывают такие моменты, когда судьбу надо спровоцировать. В смысле бросить ей вызов. Да, рано или поздно, всегда наступает момент, когда ты должен схватить удачу за хвост и заставить ее повернуться к тебе лицом, поставив на карту все. Все свои фишки, все наличные, все отложенное на черный день. Свой комфорт, пенсию, уважение коллег, статус, все. В таких случаях речь уже не о «Помоги себе сам, и да помогут тебе небеса», а «Развесели небеса, и, возможно, они тебя отблагодарят». Так что мой выход из примерочной был все равно что покерный блеф — или пан, или пропал, — как если бы я всю свою жизнь поставил на карту, просто чтобы увидеть, что из этого выйдет, и я принялся изображать Софи Лорен в какой-то немыслимой гротескной пантомиме, стараясь не замечать ошеломленного взгляда моей матушки, приобнявшей пластиковые бедра манекена, чтобы не шлепнуться навзничь. Звезда моя рассмеялась, и я подумал было, что победил, но нет. Она уже удалялась в отдел ремней…

Он замолчал и улыбнулся.

Издалека, из глубины коридора, до нас доносились обрывки фраз Алис, читающей девочкам книжку на ночь.

— На что я надеялся, а? Она была так молода и прекрасна, а я так уродлив и стар… К тому же еще и смешон! В трусах! В трусах-слипах под фиалкового цвета колготами, обтягивавшими мои изогнутые в стиле Людовика XV коротенькие волосатые ножки! На что я надеялся? Думал ее соблазнить? Я оделся, чувствуя себя побежденным, но не отчаявшимся. Как бы там ни было, но я ее рассмешил. Да и потом, уж в этом-то качестве нам, настоящим сподвижникам его величества случая, не откажешь: мы любим побеждать, но умеем и проигрывать. Настоящий игрок всегда играет достойно…

Он встал, налил в чайник воды, включил его и продолжил:

— Я шел по улице со старой ворчуньей, повисшей на моем плече, и никак не мог выбросить из головы свою прекрасную балерину, я… я грустил. Ведь я действительно умер и заново родился, вот только не понимал зачем, раз моя новая жизнь выглядела ничуть не краше предыдущей… Ко всему прочему, моя матушка по-прежнему была рядом! А главное — я очень сердился. Белье, ко-

торое незнакомка себе выбирала, ей совершенно не подходило… Такое тело надо кутать в хлопок и шелк, но никак не в этот ужасный нейлон, понимаете… Я вздыхал, уклоняясь от стенаний старой Жаклин и воображая, в какие сорочки и роскошные неглиже я бы одевал эту красавицу, если бы только она позволила мне себя любить, и я… Короче говоря, я предавался мучительным переживаниям, когда внезапно чуть было не потерял равновесие.

Надо же, эта ослица вернулась и едва не вывихнула мне руку!

Заливая кипятком липовый цвет в старом заварочном чайнике, он второй раз за вечер неподражаемо светло мне улыбнулся.

— Вам повезло, — пробормотал я.

— Да, это правда, но знаете… женские колготки, их не так легко надеть…

— Я имел в виду не вас лично, а вас обоих. Вам обоим повезло.

— Да…

Молчание.

— Слушай… Поскольку это ты, — заговорил он, — поскольку это ты и раз уж об этом зашла речь, хочу признаться тебе кое в чем, я еще никому об этом не говорил. Конечно, моя матушка

все еще жива, само собою. С самого моего рождения она допекает меня своей неминуемой смертью, это травмировало меня, когда я еще был ребенком, и вся моя взрослая жизнь размечена ее систематическим шантажом и ложными умираниями, это сегодня я знаю, что она еще и меня похоронит. Что она всех нас переживет… Ну и прекрасно. Но сейчас это старая дама. Да, очень старая дама, которая плохо ходит, ничего не слышит и почти ничего не видит. И тем не менее, тем не менее… Каждый четверг — который дарят нам небеса, каждый четверг, слышишь меня — я веду ее обедать в маленькое бистро, расположенное в ее доме, и каждый четверг, выпив после еды по чашечке кофе — у нас такой ритуал, мы с ней потихонечку доходим до аллеи Праведников[58] у моста Луи-Филиппа. Мы с ней бредем, еле тащимся, почти ползем, она цепляется за мою руку, я поддерживаю ее, держу, практически несу, у нее болят ноги, ее мучает ревматизм, соседи хотят ее смерти, помощница по хозяйству того и

[58] Примечания: 58

Аллея Праведников Франции, открытая в 2006 году, проходит вдоль стены Праведников у Мемориала Шоа (музея, посвященного истории Холокоста) в 4-м округе Парижа. По израильскому Закону о Памяти Катастрофы (1951 г.), праведники мира — это неевреи, спасавшие евреев в годы нацистской оккупации Европы, рискуя при этом собственной жизнью.

гляди ее прикончит, новая почтальонша сводит ее с ума, телевидение отравляет ей жизнь, весь этот мир ополчился против нее, и на этот раз, на этот раз уже точно: для нее все кончено. На этот раз, она чувствует, на этот раз, мой дорогой, ты знаешь, а ведь я действительно помираю… И я, конечно, верю ей на слово, сам понимаешь, все это время! Но когда мы приходим, она перестает жаловаться и наконец замолкает. Она замолкает, потому что ждет, что я прочитаю ей, в который уже раз, фамилии всех этих людей, высеченные в камне. Фамилии и имена. Конечно, я так и делаю каждый четверг, и пока выкрикиваю ей на ухо эту мирскую литанию, чувствую, прямо-таки физически ощущаю, как она все слабее цепляется за мою руку. Разволновавшаяся, с растроганным взглядом, снова радостно улыбающаяся, моя старушка Жако немножко распрямляется и прямо на глазах набирается сил… И тут я вижу их словно на экране телефона. В ее зрачках, размытых катарактой, вижу черточки ее внутренней батарейки, которых становится все больше по мере того, как одно за другим я зачитываю имена. В какой-то момент ее больные ноги напоминают о себе, и мы возвращаемся домой. Возвращаемся так же медленно, но куда более отважно! Просто

потому, что все эти люди существовали на самом деле и совершили то, что они совершили, право же, пусть это будет нелегко, ну да ладно… ладно… ради них… а главное, ради меня, она, так уж и быть, постарается протянуть еще одну недельку… Так вот, понимаешь, Алис, когда я вижу ее лицо, это производит на меня точно такое же впечатление…

Молчание.

Что на это сказать?

Не знаю, как вы, а я заткнулся.

— Но знаешь… думаю, главный ключ к счастью — это смех. Смеяться вместе. Когда умерла Габриэль, мама Алис, это было ужасно, потому что у меня больше не получалось рассмешить мою любимую. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким несчастным, при том что, уверяю тебя, в моей семье уж в чем-чем, а в несчастьях знали толк! Я ведь, чего уж там, вырос на селедке да на шагреневой коже, но в тот момент действительно перепробовал все, что можно — она улыбалась, не спорю, но не смеялась. К счастью — добавил он, заерзав, словно добродетельная девица, — к счастью, у меня в запасе оставался еще один, последний секретный прием…

— И что ж вы предприняли?

— Это секрет, Ян, секрет… — зажеманился он.

— И что это ты тут ему рассказываешь? — забеспокоилась только что вернувшаяся к нам Алис. — Иди поцелуй дочек… И вы тоже, Ян. Представьте себе, они и вас позвали…

Ох…

Как же я был горд…

— Только смотрите у меня — добавила она, грозя пальцем, — на сегодня с глупостями покончено, ладно?

Когда мы вошли в спальню, одна малышка уже спала, да и Мадлен ждала только наших поцелуев, чтобы последовать примеру сестренки.

— Знаешь, что мне приходится делать, чтобы я мог целовать своих дочек? — проворчал Исаак, выпрямляясь.

— Нет.

— Мне приходится мыть свою бороду детским шампунем и натирать ее каким-то средством для распутывания волос, пахнущим синтетической ванилью. Мыслимое ли дело… Ты представляешь, как я живу?

Я улыбался.

— Мне вас ни капельки не жалко, Исаак.

— Ну вот, ко всему прочему даже тебе меня ни капельки не жалко…

* * *

Алис встретила нас на кухне с дымящейся чашкой в руках.

Она чмокнула мужа в лоб, поблагодарив за чай, и сообщила, что ей неловко расстраивать нашу компанию, но она очень устала и мечтает поскорее улечься в кровать.

(Она сказала не «пойти спать», а именно «улечься в кровать», и это снова меня задело.) (И словно этого было недостаточно, произнося эти слова, она вытащила длинную шпильку, удерживавшую ее волосы собранными на затылке, встряхнула головой, и… ох… предстала совершенно другой. Алис с распущенными волосами.) (Более мягкой и менее яркой.) (Уже обнаженной, так сказать…) (Ахая, охая, зардевшись и бормоча сам не зная что, я чувствовал насмешливый взгляд ее мужа, сверливший мне спину.)

Думаю, она ждала, что я по-дружески расцелую ее на прощанье, но я уже был не в состоянии к ней наклониться, и она протянула мне руку.

(Я сжал ее ладонь, она была горяча.)

(Уф… наверное от травяного чая.)

Хотя мне вовсе не хотелось уходить, но чувство

приличия, не до конца убитое во мне алкоголем, заставило меня вяло засобираться, подталкивая к дороге в чистилище.

— Ох… Ян, — заныл Исаак, — ты ведь не бросишь меня мыть посуду в одиночестве?

Господи, как же я обожал этого разноцветного медведя.

Я его обожал.

— Давай. Садись обратно. К тому же ты даже не доел свой клементин! Что за расточительство?!

* * *

Уходя, Алис погасила свет, так что освещение у нас с ним теперь ограничивалось свечами и смутным мерцанием города, позабытого за окном.

Какое-то время мы просто молчали. Неспешно потягивали вино, размышляя о том, что с нами произошло. Мы оба были немного пьяны и обмякли в темноте. Он сидел на своем табурете, прислонившись спиной к стене, я слегка отодвинул стул, чтобы тоже опереться о стену. Издалека до нас доносился шум воды, мы слушали, как умывается красивая женщина, и грезили наяву.

Должно быть, мы думали об одном и том же: о том, что провели прекрасный вечер и что нам

повезло. Ну в общем, я думал именно об этом. А еще о том, что она слишком быстро почистила зубы, разве нет?

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил он.

— Двадцать шесть.

— Я раньше тебя не видел. Я был знаком с пожилой дамой, жившей в вашей квартире, но она, мне кажется, уехала жить куда-то в провинцию…

— Да, это двоюродная бабушка… моей подруги. Мы переехали в эту квартиру в октябре.

Молчание.

— Тебе двадцать шесть лет, и ты живешь в квартире двоюродной бабушки молоденькой девушки, имени которой ты еще ни разу не произнес.

Он сказал это абсолютно бесцветным голосом, без всякого выражения. На слух это прозвучало убийственно.

Я ничего не ответил.

— Молоденькой безымянной девушки с четкой позицией относительно чистоты двора и оставленных у лестницы детских колясок.

Ну да… Мы говорим об одной и той же…

В его словах не было ни иронии, ни агрессии.

Он просто это сказал. Я потянулся за своим

бокалом, потому что у меня внезапно пересохло в горле.

— Ян?

— Да.

— Как ее зовут, твою подругу?

— Мелани.

— Мелани… Добро пожаловать, Мелани, — пробормотал он, обращаясь к некоему фантому, блуждающему между мойкой и плитой. — И кстати, раз уж вы здесь, должен вам сказать, вечно спешащая мадемуазель, что все эти истории с мусорными бачками или плохо сложенным поливочным шлангом вовсе не так страшны. И даже коляски и самокаты, брошенные около лестницы, тоже совсем не страшны… Вы слышите меня, Мелани? И вместо того, чтобы по два раза в неделю звонить управляющему, заставляя его тратить время на эти никому не интересные досадные пустяки, лучше приходите к нам в гости — посидим, выпьем.

Он поднял в полумраке свой бокал и добавил:

— Потому что, знаете… Мелани, мы ведь все умрем, все… Мы все однажды умрем…

Я закрыл глаза.

Мы слишком много выпили. К тому же, мне не нужно было все это выслушивать. Мне не хоте-

лось слушать гадости о Мелани, я и так все знал. Мне не хотелось видеть, как Исаак спускается с пьедестала, мне он нравился.

Я опустил голову.

— Ян, почему ты позволяешь мне плохо отзываться о той, с кем живешь, и даже не пытаешься встать на ее защиту? В конце концов я всего лишь старый дурак. Почему ты мне не врежешь?

Я молчал. Мне не нравилось направление, которое принял наш разговор. Мне не хотелось обсуждать свою личную жизнь после всего того прекрасного, о чем мы только что говорили, не хотелось говорить о себе, не хотелось слышать об «управляющем» и «мусорных бачках» из уст того, кто так вдохновлял меня до сих пор. Чтобы выйти из этого неловкого положения, я решил тоже высказаться с оскорбительной прямотой:

— По доброте душевной.

Молчание.

Не знаю, о чем думал он, я же изо всех сил старался вернуться мыслями в здесь и сейчас, поровну деля остатки вина по нашим бокалам. Спасибо он не сказал. Я даже не уверен, что он вообще это заметил.

Я уже не был так счастлив. Мне хотелось курить. Хотелось открыть окно и впустить внутрь

холодный воздух, чтобы немного нас взбодрить. Но и на это я не решался. Поэтому я просто пил.

Я больше не смотрел на него. Я смотрел на свечи. Играл с воском, как в детстве. Ждал пока он застынет на кончике пальца и проводил им по верхней губе, по углублению в центре… Та же теплота, тот же запах, та же мягкость, что и раньше.

Исаак разглядывал собственные руки, сложенные на столе.

Все-таки пора было уходить. На моего соседа вино действовало удручающе, да и я уже пресытился. Слишком много эмоций за один вечер. Я мысленно собирался в путь: голова, руки, ноги, ключи, пиджак, лестница, кровать, кома, как вдруг на мою голову, как нож гильотины, обрушилась его спокойная фраза:

— По доброте душевной можно загубить всю свою жизнь.

Он поймал мой взгляд, и некоторое время мы пристально смотрели друг другу в глаза. Я строил из себя жертву, а он палача, но конечно же, я при этом выглядел более злобным. Почему он мне это сказал?

— Почему вы мне это сказали?

— Из-за додо.

О’кей. Он был пьян в стельку.

— Что, простите?

— Додо. Знаешь, такие большие птицы с крючковатыми клювами, жившие на Маврикии, пока наши предки всех их не истребили…

Так, ладно. Теперь у нас в программе краткий выпуск «Мира дикой природы».

Он продолжал:

— Ведь не было никаких оснований для того, чтоб эти крылатые создания нас покинули. Их мясо оказалось невкусным, пение и оперение не представляли ни малейшего интереса, да и выглядели они настолько уродливо, что не пришлись по вкусу ни одному королевскому двору Европы. И все же они исчезли. Все до одного… Они жили там испокон веков, и всего за каких-нибудь шестьдесят лет люди… человеческий прогресс окончательно стер их с лица земли. И ты знаешь почему, мой маленький Ян?

Я отрицательно покачал головой.

— По трем пустяковым причинам. Во-первых, по доброте душевной они были не пугливы и легко подходили к людям. Во-вторых, они не умели летать, их маленькие смешные крылышки были совершенно никчемны. И в-третьих, потому что они не защищали свои гнезда, бросая яйца

и малышей на произвол судьбы. Вот так: три маленьких промаха и их больше нет. Не осталось ни одного.

Ну что ж… уф… как бы это сказать? История истребления маврикийских дронтов, изложенная мне во втором часу ночи моим карманным оракулом, признаюсь, была чем-то, чего я вовсе не ожидал.

Он пододвинул свой табурет к столу и наклонился ко мне.

— Ян?

— Гм…

— Не позволяй им тебя уничтожить.

— Что простите?

— Защищайся. Защищай свое гнездо.

«Какое еще гнездо? — я молча скрипнул зубами, — уж не те ли 80 кв. м, двоюродной бабушки Берто двумя этажами ниже?»

Должно быть, я рассмеялся вслух, потому что он ответил:

— Естественно, я говорю тебе не о квартире тетушки Урсулы.

Молчание.

— А о чем же вы мне говорите, Исаак?

— О тебе. Твое гнездо это ты сам. То, кем ты являешься. И именно это нужно защищать. Если ты

сам этим не займешься, кто это сделает за тебя?

Я все равно не понимал, что он имеет в виду, поэтому он принялся разжевывать свою мысль более доходчиво, давая мне еще одну попытку:

— Ты прекрасен, Ян. Ты очень хорош. И речь идет не о твоей молодости, шевелюре или огромных светлых глазах, речь о том тесте, из которого ты слеплен. Ты знаешь, распознавать прекрасное — это моя профессия. Распознавать и оценивать. И на сегодняшний день я уже не бегаю по аукционным залам, сегодня уже мне звонят из разных стран мира и благоговейно выслушивают мой вердикт. Не то чтобы я такой ушлый, просто я знаю. Знаю истинную ценность всего.

— Да что вы? И сколько же я, по-вашему, стою?

Я уже сожалел о том, что обратился к нему таким тоном. Какое ничтожество. Напрасные угрызения совести — он похоже меня не слышал.

— Речь идет о твоем взгляде, о твоей любознательности, о твоей доброте… О том, как ты умудрился влюбить в себя всех обитателей моего дома за такой короткий срок, что и не расскажешь, посадить моих дочек к себе на колени и без памяти влюбиться в мою любимую без всякой задней мысли о том, чтобы ее увести. Я говорю о

внимании, которое ты уделяешь деталям, людям, вещам. О том, что они тебе доверяют, и о том, что скрывают от тебя. Алис впервые говорила о своей маме с тех пор, как ее не стало, впервые она вспоминала ее живой и в добром здравии. Благодаря тебе, Ян, благодаря тебе Габриэль вернулась к нам этим вечером и сыграла для нас несколько нот из Шуберта… Я ведь не выдумал это? Ты ведь тоже это слышал?

Его глаза сверкали в темноте.

Я согласно закивал, чтоб он оставил меня в покое. Ладно, чего уж там, не стану же я снова распускать нюни из-за какой-то там тетки, которую я даже и не знал…

— Речь идет о той нежности, с которой ты говоришь о тех, кого любишь, и защищаешь то, что тебе принадлежит, я говорю о наших покупках, которые ты еженедельно затаскиваешь к нам наверх, и о кусочках картона, которыми ты блокируешь замок входной двери с тех пор, как похолодало, и которые я вытаскиваю по утрам, чтоб другие соседи не устроили тебе скандал. Я говорю о твоих отдавленных пальцах, об этих слезах взрослого мальчика, уставшего и голодного, о твоих страданиях, о твоих улыбках, о твоей деликатности, здравомыслии, добродушии, нако-

нец, которое меня разозлило, хотя именно на нем и держится наша цивилизация, и я это прекрасно понимаю. Я говорю тебе о твоей элегантности, Ян… Да, о твоей элегантности… Не позволяй им все это испортить, иначе ведь что от вас останется? Если ты и тебе подобные не станут защищать свои гнезда, тогда… тогда как… это… Во что превратится мир? (Молчание.) Ты меня понимаешь?

— …

— Ты плачешь? Но… Но почему? Ты плачешь из-за того, что я тебе наговорил? Слушай, иметь столько достоинств это не так уж страшно, разве не так?

— Да пошел ты, Моиз.

Он аж подскочил, хмыкнув от удовольствия так, что разбудил золотую рыбку.

— Ты прав, старик, ты прав! Давай, — сказал он, коснувшись своим бокалом моего, — за любимых!

Мы чокнулись и выпили, улыбаясь и глядя друг другу в глаза.

— Хорошее у вас вино, — признал я наконец, — действительно хорошее.

Исаак согласился, взглянул на бутылку и помрачнел.

— Вот, кстати, сейчас я тебе сам подкину до-

стойный повод для слез… Эти люди, видишь, на этикетке — Пьер и Ариана Кованес, — мы с Алис считаем, что они заслуживают восхищения как никто другой. Наш сад в долине Эро граничит с их виноградником. У них не очень большой участок, гектаров тридцать от силы, но с каждым годом их вино становится все лучше, и вот увидишь, однажды оно попадет в число самых изысканных вин. Отец Пьера был геологом, у его матери имелись какие-то сбережения, и в середине восьмидесятых, когда там ничего еще не было и никто не верил в эту затею, ни местные виноделы, ни признанные эксперты, он рискнул и, доверившись собственной интуиции, высадил на этом диком склоне виноградные лозы каберне-совиньон, каким-то чудом доставшиеся ему с одной из престижнейших виноделен Медока, если я правильно понял… Затем они построили погреб, давильню, по уши влезли в долги, ходили консультироваться к дружественному энологу на пенсии, и… и ты помнишь, что нам тут давеча рассказывала Алис о великих керамистах? Об их одержимости и чуть ли не безумии, о бесконечных экспериментах и испытаниях всевозможных комбинаций воды и огня, земли и воздуха, так вот, я думаю, что с вином — та же история, с той

лишь разницей, что вместо огня тут плод и что…

Исаак принялся меня потчевать.

Всякими историями и анекдотами вперемежку с техническими терминами, винодельческими процессами, ферментацией, настаиванием, дубовыми бочками, он рассказал мне об Ариане, которая двадцати лет от роду приехала на лето из Нормандии на сбор винограда, потому что мечтала улететь в Боливию, но так и не уехала никуда, влюбившись в Пьера, об их усталости, жертвах, о хрупкости их общего дела, о том, как в мгновение ока небеса могли уничтожить плоды целого года трудов, о незабываемых дегустациях, о потрясающих приемах, о винных путеводителях, об оценках, классификации, о вовремя пришедшем признании, о троих детях, выросших в спартанских условиях, на свежем воздухе, в заплечных корзинах, об их чаяниях и наконец об их отчаянии.

Безостановочный поток слов, из которых я выудил только: безмерное мужество, тяжкий труд, поразительный успех и рассеянный склероз.

— Он собирается продавать, — подытожил Исаак, — хочет все продать, конечно, это прискорбно, но я его понимаю. Если бы что-то случилось с Алис, я бы тоже все бросил. Кстати, именно

поэтому мы с Пьером и ладим так хорошо. Мы разглагольствуем, разглагольствуем, важничаем изо всех сил, страшные как черти, но мы безраздельно принадлежим своим дамам…

Ладно, прошу прощения, но нашим дронтам снова досталось. И нас уже больше ничего не волновало. Свинцовой тяжестью сковало тело, свечи помаргивали, догорая, хозяин дома с отсутствующим взглядом блуждал где-то в собственных мыслях.

Одинокий, печальный, незнакомый, ссутулив спину.

Я посмотрел на свой бокал. Сколько осталось глотков? Три? Четыре?

Почти ничего.

Почти ничего и то, что осталось от одного из самых прекрасных вечеров в моей невозможной жизни…

Мне не хотелось допивать.

Пусть это будет моим подношением.

Подношением духам умерших предков этой неведомой мне Арианы.

И пусть в благодарность за это они оставят ее в покое.

Я взял свой пиджак.

В-седьмых, спуск

Не знаю, сколько ступенек отделяют их квартиру от моей, но уже на второй я полностью протрезвел.

Если бы меня кто-то видел в этот момент, он сказал бы, что это неправда и что я вру. Что я с трудом стоял на ногах. Что я шатался, держась за перила, и не осмеливался сделать шаг в пустоту.

Он бы добавил, что я был настолько пьян, что в конце концов прижался к стене и практически сполз до самой своей двери.

Чертов стукач…

Да, я колебался, потому что и впрямь чувствовал, что оказался в пустоте, но я не прижимался к стене, а сжимал ее в своих руках. Хотел ее согреть, чтобы не возвращаться домой одному. Хотел взять ее с собой в постель. Эта стена, о которую я столько раз стукнулся всего несколько часов тому назад — как будто в прошлой жизни, когда прижимал к груди прелестную маркизу, в обществе баронета и пары принцесс, стена, от которой по всей лестничной клетке разлеталось столько радости и веселья, столько великолепных ругательств, детского смеха и огорчений, эта стена, заупрямившаяся теперь и отказывавшаяся

зайти ко мне выпить еще стаканчик, — стала для меня чем-то вроде последнего фонарного столба. Приятелем, таким же потерянным, как я сам, которому я мог положить голову на плечо, прежде чем встретиться со своей настоящей жизнью, с настоящим Яном и с истинным неприятием реальности.

Даже если допустить, госпожа судья, что этот потенциальный свидетель говорит правду, это все равно, знаете ли, продолжалось совсем недолго… Стоило только мне войти к себе домой, то есть не к себе… домой к своей подружке, вернее, к ее двоюродной бабушке, как ее там, так вот… стоило только мне войти в это помещение, как я тут же разом протрезвел.

Я нашел выключатель и зажег отвратительный свет. Повесил пиджак на вешалку и заметил, насколько она отвратительна. Равно как и зеркало. Зеркало тоже выглядело отвратительно. Зеркало, афиша под стеклом, ковер, диван, журнальный столик, все. Все было отвратительным.

Я огляделся, но ничего вокруг себя не узнал. Но кто же может здесь жить? — с удивлением спрашивал я сам себя. Пластмассовые человечки из «Плеймобил»? Коммерческие агенты образцовой квартиры? Никакого беспорядка, никакого барда-

ка, ни фантазии, ни уюта, ничего. Одно сплошное оформление. Хуже того — декорация. Я пошел на кухню, но и там не почувствовал себя лучше. Все это ничего мне не напоминало. За этим не было никакой истории. Я не сдавался.

Присел на корточки, открыл дверцы шкафчиков, выдвинул ящики: решительным образом ничего. Пустота.

Может быть, в спальне? Я поднял одеяло, взял подушку, одну, другую, уткнулся в них носом, исследовал простыню: ничего. Ничто не указывало на то, что здесь когда-либо кто-то лежал. Ни малейшего запаха духов, пота, слюны и уж тем более спермы. Ванная комната? Зубные щетки, рубашка Мелани, наши мочалки: мертвая тишина. Но кто эти зомби, и что ж это с нами, в конце-то концов, происходит?

Я не понимал, куда мне деваться. После всех излишеств там, наверху, благодаря которым мне в той или иной мере удалось сделать свою жизнь более переносимой, я не мог теперь снова махнуть на все рукой, тогда как внутри у меня, в носу, в горле, все отказывало. Я сжал кулаки. Сжал зубы. Сжал ягодицы. Я был смешон. Я вел себя как ребенок. Маленький капризный грязнуля, раздосадованный, но слишком гордый, чтобы

это признать.

Ладно, здорово, и что же дальше? Что я такого могу разбить, чтобы меня заметили, а?

Я чувствовал себя вздрюченным, агрессивным и беспомощным, когда раздался звонок в дверь.

Черт побери, но… который сейчас час? Что это еще такое?!

В-восьмых, достоинство

— Все в порядке?

Казалось, Исаак меня не узнает.

— Ян, ты как? С тобой все в порядке?

Не помню, что я ему ответил. Наверное, что я устал.

И это было правдой. Я действительно устал.

Очень устал.

Слишком устал.

Мне себя самого следовало бы разбить. Жаль, что мы жили всего лишь на третьем этаже.

— Слушай, — сказал он, схватив меня за руку, — слушай… Я отодрал этикетку специально для тебя. На память. И потом, если захочешь заказать, пока не… в общем… В общем, это или сейчас или никогда, чего уж там…

Мой Исаак… Мой принц… Я долго на него смотрел, чтобы успокоиться. Он выглядел изнуренным.

Даже крылья его «бабочки» как-то обвисли.

Он и вправду действовал на меня успокаивающе, но с другой стороны, он все-таки тоже был явно не в себе. Вот зачем он мне это сейчас принес, а? Только честно? Как будто бы с этим нельзя было подождать. Разве я собираюсь заказывать вино? У меня нет ни погреба, ни денег, ни Алис, ни миндаля, ни чугунного сотейника, ни маленьких дочек, ни специй, ни скатерти, ни бокалов, у меня ничего нет… Да уж, сомнительный поступок для человека, который якобы все понимает и видит насквозь…

Ладно, мы все-таки выпили с ним две с половиной бутылки. От этого возникают некоторые недостатки.

Мы стояли на лестничной площадке, потому что я не мог достойно его принять, и именно в этот момент, когда я подумал об Исааке Моизе, который стал моим другом, моим драгоценным другом, и о том, что я не могу достойно его принять, я наконец повзрослел:

— Позвольте подняться к вам и позаимствовать у вас маленький магнитофон Мизии «Фишер-

прайс», который валяется в ее комнате среди кукол Барби, пожалуйста!

В-девятых, заплыв

У меня было орудие преступления, но мне не хватало патрона. В данном случае — кассеты. Этой реликвии прошлого века. Маленькой коробочки из черного или прозрачного пластика с магнитной лентой, на которую можно записывать звуки. Этой мелочи из другого мира.

Не мог же я испортить считалочки Мизии…

Одна-две кассеты у меня точно должны были остаться, но где?

Отступление:

Когда я познакомился с Мелани, вместе с парой приятелей мы снимали квартиру на троих недалеко от Барбес. И если в общих комнатах у нас частенько царил невообразимый бардак, то себе я, помнится, обустроил очень даже уютную спальню.

Там было множество книг, музыки, пепельниц, распотрошенных коробок, которые моя матушка присылала мне еженедельно (с колбасой, кунь-аманом[59], масляными лепешками, да-да,

[59] Примечания: 59
Традиционный бретонский пирог.

клянусь вам, это немыслимо, но это моя мама, и она такая, она бретонка), дебильных маек, грязных трусов, непарных носков, которые прекрасно сочетались с рыганием, пуканьем, дрочкой и всякими скользкими шуточками, так вот туда, о чудо, не часто, но все же время от времени захаживали девушки, и там на стенах крепилось все, что поддерживало меня на плаву: записки, картинки, портреты, лица людей, казавшихся мне прекрасными или же восхищавших меня, архитектурные проекты, прототипы, макеты, идеи, учебные темы, отчеты, билеты в кино и на концерты, какие-то штуки, скопированные из книг, фразы, заставлявшие меня жить с высоко поднятой головой, репродукции рисунков Леонардо да Винчи, Арне Якобсена[60], Ле Корбюзье или Фрэнка Ллойда Райта[61] — всех этих кумиров — от которых я и сейчас не отказываюсь да и никогда не отрекусь, — обычных для того, кто явился в столицу доказывать свой талант, хотя у самого еще молоко на губах не обсохло, там также

[60] Примечания: 60

Якобсен, Арне (полное имя: *Arne Emil Jacobsen*, 1902–1971) — датский архитектор и дизайнер, один из основоположников датского функционализма.

[61] Примечания: 61

Райт, Фрэнк Ллойд (*Frank Lloyd Wright*, 1867–1959) — американский архитектор-новатор, основоположник «органической архитектуры».

висели семейные фото, фотографии кораблей, друзей, моих собак (живых и мертвых), афиши фильмов, выставок, иллюстраторов, музыкантов, харизматичных лидеров, в общем, полный набор, чего уж там…

Ну так вот, когда мы с Мелани решили жить вместе, чтобы экономить на квартплате (боже, как запросто я это произнес, какая гадость, скажем лучше, чтоб быть счастливыми вместе), мы переехали в крохотную двушку у Восточного вокзала, и там мне, само собою, пришлось подсократить свое барахло.

Большую часть вещей я отвез к родителям, оставив себе только то, что было мне жизненно необходимо, чтобы закончить учебу и как-то одеваться. Все пошло путем, мы работали, часто куда-то ходили, мы любили друг друга, а интернет тем временем предоставил мне ту самую безграничную стену, на которой я мог вывешивать и вволю любоваться всем, что меня вдохновляло.

Потом, когда появилась возможность переехать сюда, чтобы еще больше сэкономить на квартплате (здесь мы платим только коммунальные платежи, но все ж и об этом не стоит забывать, ага?!) (о, господи, в кого я превратился?), Мелани заново перетряхнула мое барахло.

Да-да, поскольку я уже большой и буду теперь работать по-настоящему, то мои бесформенные майки, старая куртка, свитера из комиссионки, ботинки «Кларкс», труба, бумажки для самокруток, вязаные шапки и книжки Толкиена мне уже больше не понадобятся. Ведь так, милый?

Ладно. О'кей. Она права. Мы отныне живем в приличном районе, и, право слово, как же приятно, когда ты больше не слышишь по ночам шум поездов и у тебя не стреляют каждые две минуты сигарету, так что… за все надо платить, это справедливо. К тому же, если я сам себя не способен убедить в том, что стал взрослым, кто мне поверит? Значит, алле-оп — и еще на пять коробок меньше. Честно говоря, меня это никогда особо не смущало, я всегда любил путешествовать налегке, но дело в том, что теперь, уф, как бы это сказать… у меня ничего больше нет. Даже аудио-кассету найти проблема.

Что ж… тем хуже для Мизии, я ей потом возмещу.

И тут я вспоминаю. Ведь когда в прошлом году я расставался со своей развалюхой, то вытащил все, что было в бардачке. А поскольку в машине стояла допотопная автомагнитола, то у меня должно было остаться хоть сколько-то кассет,

ведь так?

Ищу.

И в самой глубине отведенной мне части шкафа нахожу одну кассету. Одну-единственную. Я ее не узнаю, и на ней ничего не написано.

Ладно. Посмотрим.

* * *

Принимаю душ и размышляю. Надеваю трусы, носки, чистые джинсы и размышляю. Выбираю подходящую рубашку и размышляю. Завязываю шнурки и размышляю. Делаю себе кофе и размышляю. Еще кофе — продолжаю размышлять. Еще один — по-прежнему размышляю.

Я думаю. Думаю. Думаю.

И когда от этих мыслей у меня уже не остается ни грамма алкоголя в крови, я весь взмок, накрутив себя до предела, то наконец успокаиваюсь.

Я иду на кухню, зажигаю свечу, как у Алис, потому что заметил, что в свете свечей люди кажутся более красивыми и умными (да, естественно, моя свечка не столь прекрасна, это не церковная свеча, а «декоративная» фигня, приобретенная Мелани, с запахом кокоса) (ну и эта сгодится) (не все сразу, госпожа Жизнь) (прошу вас, хоть

что-то оставьте мне на потом), гашу свет, сажусь и ставлю перед собой на стол маленький магнитофончик, обклеенный стикерами с Шарлоттой Земляничкой.

Вставляю свою старую кассету и что же я слышу? Massive Attack.

Да уж, любят небеса подразнить… Сложно было придумать что-то более в тему. Вот бы я посмеялся, не будь в таком стрессе. Я перематываю на начало, беру микрофон и… пересаживаюсь, чтобы не видеть свое отражение в окне.

Потому что выгляжу я все-таки удручающе в своей красивой выходной рубашке, со свечкой из телемагазина и крохотным микрофоном на желтом проводочке. Нет, правда, лучше мне этого не видеть.

Я прочищаю горло и нажимаю на большую синюю кнопку ЗАПИСЬ. Пленка крутится, я еще раз прочищаю горло и я… я… уф… ох, черт, я перематываю назад.

Так, ладно, приятель, надо это сделать, прямо сейчас…

Я делаю глубокий вдох, как в те времена, когда перед девочками из летнего лагеря старался проплыть под водой всю ширину пирса, и снова нажимаю на синюю кнопку.

Ныряю:

«Мелани… Мелани, я не могу остаться с тобой. Я… в общем, когда ты прослушаешь это сообщение, я уже буду далеко, потому что я… я больше не хочу жить с тобой.

(Молчание.)

Я понимаю, что должен был бы написать тебе письмо, но боюсь наделать орфографических ошибок — уж я-то тебя знаю, мне прекрасно известно, что стоит тебе только заметить хоть одну, как ты сразу же преисполняешься презрением к тому или той, кто ее допустил, так что я предпочитаю не рисковать.

Видишь, я записываю тебе это сообщение, чтобы объясниться, и понимаю, что на самом деле даже такого объяснения уже достаточно: Мелани, я ухожу от тебя, потому что ты презираешь людей, допускающих орфографические ошибки.

Думаю, тебе такая причина покажется легковесной, а вот мне все было бы ясно. Я ухожу от тебя, потому что ты нетерпима и не видишь того, что действительно

важно в людях. Вот честно, неужели так важно „-тся“ или „-ться“, „сестрин свитер“ или „свитер сестры“, а? Неужели это так важно? Конечно, это слегка терзает слух, да и язык, ну ладно… и что? Это же не приносит никакого вреда, насколько я знаю. От этого ведь люди со всеми их чувствами, порывами и намерениями не становятся хуже, хотя нет, от этого портится все, потому что ты начинаешь их презирать еще до того, как они закончат фразу… и, уф… я… Что-то я отвлекся. Я ушел вовсе не для того, чтобы обсудить с тобой вопросы грамматики.

Если б я хотел объясниться по-быстрому, я бы сказал тебе, что ухожу из-за Алис и Исаака. Так все было бы сказано разом. Я ухожу, потому что встретил людей, которые помогли мне понять, насколько мы оба с тобой ошиблись. Но я не хочу с тобой об этом говорить. Во-первых, потому что ты станешь вести себя с ними еще хуже, чем обычно, а во-вторых, потому что не хочу с тобой этим делиться.

(Пауза. Вой сирены вдалеке.)

Среди всего прочего, они помогли мне

понять, что… что мы притворяемся, лжем, делаем вид.

Я говорю о любви, Мелани. Как давно мы перестали любить друг друга? Я имею в виду любить по-настоящему. Ты это знаешь? С каких пор мы стали трахаться, а не заниматься любовью? Всегда одно и то же, я знаю, как доставить тебе удовольствие, и делаю это, ты знаешь, что нравится мне, и не скупишься, но… И что? Что это? Мы удовлетворяем друг друга и засыпаем? Нет, не возводи очи горе… Ты знаешь, что я прав. Ты знаешь это.

У нас с тобой унылый секс.

У нас с тобой… Все стало унылым…

И это еще не все. Поскольку я хорошо тебя знаю и знаю, как долго ты будешь твердить на все лады всем кому ни попадя, какой же я подлец, настоящий подлец, ведь правда, подумать только, и это после всего, что ты для меня сделала, после всего, что дала мне твоя семья — квартиру, жилье, каникулы и так далее, и чтоб уж уши мои горели не зря, я назову тебе три причины моего ухода. Три маленьких, но четких и ясных причины. Так, по край-

ней мере, подлеца нельзя будет обвинить во всех смертных грехах.

Я назову тебе эти причины не для того, чтобы оправдаться, а чтобы дать тебе пищу для сплетен. Тебе ведь нравится перемалывать косточки. Ворчать, брюзжать, зудеть *ad nauseam*[62], какие все вокруг дураки и что ты, правда, достойна лучшего… Да, это в твоем духе — возложить всю вину на других, ни секунды не усомнившись в собственной правоте. Нет, я не сержусь на тебя, ты знаешь, я даже завидую тебе… Мне бы тоже порой хотелось быть как ты. Это упростило бы мою жизнь. К тому же я знаю, что тебя просто так воспитали, что ты единственный ребенок в семье, и твои родители не могли на тебя наглядеться, и что любой каприз сходил тебе с рук, и что… ну и вот, что… естественно, в конце концов это тебя избаловало…

Да что тут говорить, если они даже на твоего дурацкого бретонца закрыли глаза! Нет, я знаю, ты не злая. Ну да ладно.

---

[62] Примечания: 62
До тошноты (*лат.*).

Все же я назову тебе эти причины, чтоб тебе было чем заняться. Тебе и твоей матушке.

(Молчание.)

Я ухожу, потому что в кино ты вечно портишь мне последние минуты фильма… Каждый раз… Каждый раз ты так со мной поступаешь…

Хотя ты прекрасно знаешь, как это важно для меня — еще немного посидеть в темноте, оправиться от эмоций, читая длинную вереницу незнакомых имен, для меня это жизненно важный промежуток, отделяющий воображаемый мир от реального… Тебя это раздражает, о'кей, но я же тебе говорил, сто раз говорил: уходи, подожди меня в холле, подожди меня в кафе, ходи в кино с подругами, только никогда больше так не делай: не спрашивай меня, в какой ресторан мы пойдем, не рассказывай мне о своих коллегах или о том, как жмут тебе туфли, как только закончился фильм.

Да, даже если фильм оказался плохим. Неважно. Раз уж я досмотрел его до конца, я не хочу уходить, пока не удостоверюсь в

том, что благодарностью не обошли мэра последнего захолустного городка, и пока в заключение не увижу собственными глазами слова Dolby и Digital. Даже если это был датский или корейский фильм и я ничего не понял в титрах, мне все равно это необходимо. Вот уже почти три года, как мы вместе ходим в кино, и вот уже почти три года, как я на первых же строчках титров чувствую, как ты напрягаешься, напрягаешься в буквальном смысле слова и… и ты… знаешь, да иди ты к черту, Мелани. Ходи в кино с кем-нибудь другим. Я ведь не многого у тебя просил, и даже, по-моему, это было единственным, о чем я тебя когда-либо просил, и… и нет…

(Молчание.)

Вторая причина заключается в том, что ты всегда отъедаешь кончики от моих кусочков торта, и это тоже мне надоело терпеть. Под тем предлогом, что ты следишь за фигурой, ты никогда не заказываешь десерт, и каждый раз, когда мне приносят мой, ты тут же хватаешь мою десертную ложку и съедаешь кончик.

Так… так вообще-то не делается. Даже если ты заведомо знаешь ответ, все-таки могла бы и спрашивать у меня разрешения, хотя бы ради поддержания иллюзии того, что я существую. К тому же, кончик — это лучшая часть торта. И это особенно верно в отношении лимонников, чизкейков и фланов, которые, как ты знаешь или однажды узнала, являются моими самыми любимыми десертами.

Так что вот, ты сможешь сказать своим друзьям: „Представляете? После всего, что я для него сделала, этот кретин бросает меня из-за кусочка торта!“ — и это будет правдой. Только не забудь уточнить, что речь идет о кончиках. Гурманы оценят.

И последняя причина, наверное, самая главная: я ухожу, потому что мне не нравится, как ты ведешь себя с моими родителями. Видит бог, я нечасто заставлял тебя с ними общаться. Сколько раз мы были у них за все то время, что живем вместе? Два раза? Три? Неважно, предпочитаю об этом не вспоминать, чтобы не слишком злиться.

Я знаю, мои родители не такие обра-

зованные, как твои. Они не столь умны, не столь красивы, не столь интересны. И дома у нас тесновато, полно кружевных салфеток и букетов засохших цветов, но понимаешь, это то же самое, что с орфографическими ошибками… Это ничего не говорит о них. Во всяком случае ничего важного. Понятно, что все эти вышивки, автофургон в глубине сада, венецианские маски демонстрируют нам их дурновкусие, но это все ничего не говорит о том, какие они на самом деле. Ничего не говорит об их терпимости и доброте. Да, моя мать не такая шикарная, как твоя, да, она не знает Гленна Гульда[63], да, она вечно путает Моне с Мане[64] и боится водить машину в Париже, но когда ты снизошла до того, чтобы приехать к ней в гости, она, Мелани, сходила в парикмахерскую, чтобы тебя уважить. Не знаю, заметила ли ты, как она готовилась к твоему приезду,

[63] Примечания: 63

Гульд, Гленн (полное имя: *Glenn Herbert Gould*, 1932–1982) — великий канадский пианист.

[64] Примечания: 64

Моне, Клод (полное имя: *Oscar-Claude Monet*, 1840–1926) и Мане, Эдуард (*Edouard Manet*, 1832–1883) — выдающиеся французские художники, стоявшие у истоков импрессионизма.

но я, я это заметил, и каждый раз я… каждый раз мне… не знаю… у меня от этого сердце сжималось. То, как она старалась тебе угодить, потому что ты стройна и элегантна и ее сын любит тебя, и… и все это глупо, но это создавало тебе некую ауру… Она никогда не ходит в парикмахерскую, чтоб порадовать моего отца, но ради тебя, чтобы засвидетельствовать тебе свое почтение, да, ради тебя она старалась выглядеть хорошо… Ты даже не представляешь, насколько это все трогает мою душу. Твою нет? Ты-то у нас ешь, поджав губки, и задираешь нос всякий раз, как твой высококультурный взгляд падает на их безделушки из ракушек или на тома Универсальной энциклопедии, выстроенные по порядку и ни разу не читанные, но знаешь, я… когда я был маленьким… я никогда не видел, чтобы моя мать развлекалась или ходила с подружками по бутикам, потому что мои дедушка с бабушкой жили с нами и мама все время о них заботилась. А потом, когда ей больше не надо было приводить их в порядок, стричь им ногти и волосы,

занимать их чисткой картошки, фасоли и уж не знаю чем еще, поддерживая в них веру в то, что они по-прежнему нужны, так вот когда ей больше не надо было беспокоиться на их счет, поскольку они наконец упокоились на кладбище, — оп! — и подоспели детки моей сестры. И знаешь что? Я никогда не слышал, чтобы она жаловалась. Никогда. Она всегда выглядела веселой. Ты представляешь, каково это?

Никогда не унывать… Ты представляешь, какой силой и мужеством надо обладать, чтобы никогда в жизни не падать духом? Черт побери, да именно это и есть высший пилотаж! Открою тебе один секрет, Мелани: между жизнерадостностью моей матери и „Гольдберг-вариациями“ Гульда для меня нет никакой разницы. Это один и тот же уровень гениальности. И вот эта женщина, несравненная, достойнейшая из достойных, каждый раз, когда мне звонит, она спрашивает меня, как у тебя дела, и… и знаешь, я иногда… Иногда, прежде чем попрощаться, я говорю ей, что „Мелани передает тебе привет“

или „Вам привет от Мелани“, и… уф… я не хочу больше врать, вот и все».

СТОП (красная кнопка).

Глубокий выдох…

Выныриваю из воды и трясу головой, как красавец-спортсмен в олимпийском бассейне.

Ну что? Я сделал это, ведь так?

Где же наши маленькие воображалы из пляжного клуба «Балу»? Они еще здесь? Они хотя бы видели, как я проплыл?

В-десятых, другой берег

Тоже мне подвиг…

Я перематываю немного назад, чтобы убедиться в том, что мой дья-дья-дья-дьявольский план сработал, включаю кассету, и что же я слышу? Гнусавый голосок вещает мне об автофургоне…

О боже. Я немедленно выключаю запись.

Это удручающе.

Я удручен.

О-ля-ля… Как же сложно быть собой, когда ты сам себя не вдохновляешь. Как же это тяжело…

На часах четверть четвертого. Мне нужен еще один кофе.

Я споласкиваю чашку, поднимаю голову и вдруг вижу свое отражение, вот же оно, я его вижу…

Вглядываюсь в него.

Думаю об Исааке, об Алис, о Габриэль, о Шуберте, о Софи Лорен, о заднице Жаклин и об ее стене утешения.

Думаю о Праведниках и о своих родителях.

Думаю о своей работе, о жизни, о талонах на питание, о комфорте, о страховке, об обязательствах как таковых, о моем собственном понимании обязательств, о деньгах, о прибыле, о баблосе, о заработке, о моих привилегиях, о моих коллегах и о моем начальнике, об их обещаниях и о моем бессрочном контракте.

Бессрочный… И как это столь неконкретное слово обрело столь большое значение?

Как?

Потом я перевожу взгляд на эту игрушку, лежащую на столе, превратившуюся в бомбу замедленного действия, и снова опускаю голову.

Мне не хочется причинять боль Мелани.

Я уже не настолько ее люблю, чтобы продолжать ломать комедию, прикидываясь будто мы влюбленная пара, но я слишком сильно люблю людей, чтобы обижать кого бы то ни было, пусть

даже речь идет о том или о той, кто скальпирует мои фильмы, мои десерты и мое детство.

Да. Даже ее.

Как же сложно быть жестоким, когда ты добрый. Как же сложно кого-то бросить. Как же сложно собраться как следует, настроиться и дать самому себе однозначную установку, когда авторитарность вызывает отвращение.

Как же сложно отнестись к самому себе настолько серьезно, чтобы в одностороннем порядке принять решение, которое изменит жизнь другого человека, и как же это пафосно — говорить об «одностороннем порядке» в двадцать шесть лет, сидя на кухне в маленькой буржуазной квартирке двоюродной бабушки своей подруги, которой нет дома в три часа ночи, потому что она на работе.

Ладно.

Что-то я слегка раскис…

Что я делаю?

Что я делаю со своей жизнью?

Что я делаю со своими Вуф-Хуфами?

Ох, бляха-муха… Как же меня все это затрахало.

Ну вот, еще и ругаться начинаю.

Черт подери… Это меня раздражает.

Подытожим: все, что нужно, — это быть эгоистом. Хотя бы немножко. В противном случае ты и не живешь по-настоящему, а в конце все равно умираешь.

Вот так…

Давай, мой мальчик. Смелей. Вперед и с песней.

Если ты не можешь решиться на это ради себя, решайся ради своих чизкейков.

О'кей, но есть еще один очень глупый вопрос: как стать эгоистом, когда ты таковым не являешься? Когда ты вырос в таком мире, где другие всегда считались важнее тебя? Да еще и перед лицом океана? Надо как-то себя заставить? Сколько я ни стараюсь изо всех сил уцепиться за это понятие: Я, Я, Я, Мое эго, Моя жизнь, Мое счастье, Мое гнездо — у меня не получается его нащупать. Оно мне не интересно. Все равно что в детстве, кружась на карусели, ловить за хвост Микки Мауса: я, конечно, руки-то тянул, чтобы маму не расстраивать, но на самом деле вовсе не хотел его ловить. Он мне казался отвратительным.

Опустив голову, сжав зубы, ссутулившись, скрестив руки на груди, я размышляю.

Я целиком и полностью погружен в себя, снаружи ничто меня не отвлекает, я слышу, как бьется мое сердце, дышу медленно и борюсь с усталостью и самодовольством, без которых, конечно, на этом смехотворном заседании не обойтись.

Я думаю.

Думаю об Исааке.

На мой взгляд, только он, Исаак Моиз, сможет переправить меня на другой берег. Я вспоминаю его лицо, его рассказы, молчание, взгляды, его дикое ржание и смешки невинной девицы, его коварство, эгоизм, великодушие и этот его приход под дебильным предлогом вручения мне этикетки, и то, как он схватил меня за руку в тот момент, когда я действительно в этом нуждался.

Вспоминаю его слова о добродушии и тон, которым он их сказал. Его мягкость… мягкость и жесткость… изо всех сил цепляюсь за это воспоминание.

Держусь за него, потому что это единственное мое убеждение, которое все еще не погрязло в дерьме. Да, это так, я добродушен.

И именно поэтому в конце концов я распрямляюсь, перестаю мучить самого себя, в последний раз нажимаю на синюю кнопку, а потом убираю магнитофончик Мизии в низ холодильника.

Чтоб Мелани не пришлось сталкиваться с моей подростковой музыкой в довершении к моей слабохарактерности. Чтобы избавить ее от моего *Paradise Circus* и моей *Unfinished Sympathy*[65].

Пока на старую кассету записывалось звучание холода, я занялся сбором вещей.

* * *

Дорожная сумка готова. Чистое белье, грязное белье, обувь, бритвенный станок, книги, ноутбук, колонки, вот и все.

Это о том, что у нелюбви к себя тоже есть свои преимущества…

Достаю магнитофон из холодильника и наконец нажимаю на кнопку ВЫНУТЬ.

Крышка открывается с железным скрежетом. Хрясть. И оковы пали.

Я пишу на кассете имя Мелани и кладу ее ей на подушку.

Ох, хотя нет… Лучше на кухонный стол.

Пусть из меня не получилось героя, все же стоит вести себя достойно.

---

[65] Примечания: 65

Paradise Circus («Райский цирк», 2010 г.), Unfinished Sympathy («Незавершенная симпатия», 1991 г.) — песни британской группы Massive Attack.

* * *

Оставляю ключи, захлопываю дверь и поднимаюсь на пятый этаж.

Ставлю свое барахло на пол, застегиваю куртку, достаю перчатки, сажусь и прислоняюсь к своей стене.

Я полностью на нее полагаюсь.

Я жду, когда Алис или Исаак откроют дверь.

Я должен вернуть им детский магнитофон и задать последний вопрос.

В-одиннадцатых, горизонт

Меня зовут Ян-Андре-Мари Каркарек, я родился в Сен-Бриё, через несколько месяцев мне исполнится двадцать семь лет, мой рост 1,82 м, у меня темные волосы, голубые глаза, отсутствуют судимости и какие-либо особые приметы.

Я рос обычным ребенком, был примерным и послушным мальчиком на первом причастии, любимцем в своем детском спортивном клубе, ровно учился в лицее, хорошо его закончил, в институте отличался серьезным отношением к учебе и влюбчивым характером, был верным

в любви.

Я нашел себе работу, поскольку не имел никакого страстного увлечения, ни особого призвания к какому-либо делу, подписал недавно бессрочный контракт, который позволил бы мне понемногу набрать кредитов, чтобы набрать еще больше кредитов чуть позже, я жил с девушкой, выросшей в куда более изысканной семье, чем моя. С девушкой, показавшей мне и преимущества, и ограничения буржуазного образа жизни. С девушкой, которая меня бы пообтесала, конечно, но вместе с тем и невольно укрепила бы меня в моем тяготении к бардачности и старому доброму свинству, нормальным для парня, чей дед был рыбаком. Которая позволила мне осознать, что в моей семье не так хорошо следили за собой, зато гораздо лучше себя вели. Что у нас меньше внимания уделяли формам, зато отношения были раскованнее и надежнее. И что у нас было не принято дурно говорить о других. Что другие вообще не особенно нас занимали. Может быть, потому, что мы были слишком глупы и не видели дальше кончика собственного носа, а может, потому, что как раз у кончика нашего носа проходила линия горизонта.

Быть может, эта линия, эта бесконечная по-

лоса, испокон веков отделяющая море от неба, формировала в этих краях менее высокомерных людей…

Быть может… Я не знаю… Мне наверняка не следует обобщать, но все же… ее отец, пожимая мне руку, все время путал мое имя, называя меня то Иваном, то Ивоном, однажды даже Эрваном, и, в конце концов, это выглядело странно.

Но Мелани, его дочь, я любил. Клянусь жизнью, я ее любил. Но больше не понимал, на что она надеется. Я разочаровывал ее, она меня тоже. Мы не решались в этом признаться, но наши тела были не столь куртуазны и в минуты близости говорили о многом. Ее запах, вкус, дыхание, пот — все ополчилось против меня. Все изменилось и расстраивало меня. Думаю, и она чувствовала то же самое. Что даже мыло, зубная паста и духи не всегда могли справиться с моим замешательством.

Да нет, я не придумываю, я знаю это.

Я это знал.

Вчера вечером я был один. Я собирался пойти в кино, но на лестничной площадке перед моей квартирой стоял буфет. Он принадлежал соседям, с которыми я был едва знаком. Людям, жившим двумя этажами выше. Паре с двумя детьми. Я вы-

звался помочь им донести буфет до их квартиры и остался у них в гостях до начала следующего дня.

На следующий день, то есть сегодня утром, я сел в скоростной поезд, проспал всю дорогу, потом пересел в автобус. Часом позже я вышел на маленькой площади, окруженной платанами, и заглянул в кафе. В первое попавшееся кафе, которое меня вдохновило, куда в теплое время года наверняка заходили любители петанка пропустить по стаканчику, перед тем как разойтись по домам. Выпив бокал вина, я достал из кармана бумажку и, пустив ее по кругу, выяснил направление, в котором мне надо было двигаться, и на какой дороге ловить машину.

Мою бумажку передавали из рук в руки, комментировали, обсуждали сообща, по ходу измяли.

Как будто это карта. Карта сокровищ с Южным крестом посреди. На мою благодарность мне ответили, словно осадили: «Да с удовольствием». Я вздрогнул.

Мне не пришлось долго ждать. Какой-то парень согласился подбросить меня на своем фургоне. Он работал каменщиком. Строил бассейны, но сейчас мертвый сезон, и за неимением лучшего он ремонтировал канавы. Сложив большой

палец с указательным, он звукоподражательно отстреливал ворон. Сворачивая себе самокрутку, он придерживал руль коленями, одновременно выжимая газ, чтобы «обеспечить устойчивость автомобиля». Он скоро станет папой. Похоже, прямо сегодня вечером. «Мля, — твердил он, — мля, дело пахнет керосином…»

Я улыбался. Мне нравилось все, что он говорил. Нравился его голос, его акцент, его болтливость. Он напоминал мне эдакого местечкового Аль Пачино. Мы с ним были примерно одного возраста, он уже имел фургон, на котором были написаны его имя и фамилия, платил налоги и содержал семью. Все это казалось мне настоящей экзотикой.

Он высадил меня на каком-то перекрестке. Сожалея, что не может подбросить до места назначения, все из-за этого малыша… Да тут недалеко, прямо за этим холмом. Можно идти по дороге, а можно срезать через поля. Я его поблагодарил. То, что нужно пройтись пешком, воспринял с облегчением. Я трусил. Убеждал себя в том, что, учитывая вес моей сумки и расстояние, которое предстояло пройти, в конце концов я смогу расслабиться.

Хотя это оставалось всего лишь предположением среди тысяч других, застивших мне глаза.

Я размышлял, шагая вперед, строил гипотезы.

Воображал диалоги, продумывал реплики и шел все быстрее, словно стараясь собственные возражения оставить позади.

Ремень сумки резал мне плечо. На обочине дороги стояло небольшое каменное строение. Дверь оказалась не заперта. Я оставил там свои книги.

Я потом за ними вернусь.

Никто никогда не ворует книги.

Я узнал дом. Такой же, как на моем клочке бумаги. Я оставил сумку снаружи, около воротного столба, вошел во двор и направился к наиболее ухоженной части построек. Туда, где у дверей стояли сапоги и виднелись занавески на окнах. Я постучал. Мне никто не ответил. Постучал сильнее. По-прежнему никого.

Черт побери. Никаких сокровищ.

Я огляделся. Постарался понять, где же нахожусь, как все это устроено и что я вообще делаю в этой дыре. Непонятно.

В конце концов дверь отворилась за моей спиной. Я обернулся, широкой улыбкой заменив букет цветов. Увы, моя улыбка на ходу завяла.

Да уж, такого я и представить себе не мог.

Неужели все настолько запущено?

Она указала подбородком на сарай. Если я не

найду его там, то должен буду пройти до конца дороги и поискать на склонах холма.

— Или его, или собаку! Если увидите собачий хвост, значит, и человек неподалеку!

Она веселилась от души.

Я уже отошел на пару шагов, когда она прокричала мне вслед:

— И напомните ему, что у Тома в шесть тренировка! Он поймет! Спасибо!

Я был потрясен. Хотя обычно я очень внимателен к людям, но я не смог бы вам ее описать. Ни ее лицо, ни одежду, ни даже цвет ее волос. Единственное, что мне запомнилось, было тем, на что я безуспешно старался не смотреть: ее костыли.

В-двенадцатых, твердая земля

На что я, собственно говоря, рассчитывал?
Не знаю…
На что-то более солидное…

На некую сцену.
Красивую сцену.
Как в романе или в кино.

Особенный свет, величавое небо и мужчина, стоящий на этом фоне.

Да, именно так: мужчина, стоящий с… уф… с чем-то навроде секатора в руке.

И музыкальное сопровождении момента встречи. Пусть звучат трубы из «Звездных войн», «Полет валькирий» или еще какая-нибудь ерунда.

Вместо всего этого я стоял на пороге сарая в тусклом свете неоновой лампы, какой-то пес обнюхивал мои причиндалы, а музыкальным фоном служили остроты «Больших голов»[66].

Неплохо, мой мальчик, неплохо…

Эй, да твоя жизнь — это даже не верблюд, это вообще какой-то мутант!

Сколько я ни щурил глаза, мне никого не удавалось разглядеть.

— Есть кто-нибудь?

Из-под капота трактора (не знаю, есть ли у тракторов капот, и вовсе не уверен, что тот агрегат назывался трактором), ругнувшись, вылез лохматый мужик.

— Здрасьте, — проворчал он, — вы страховщик, да? Паркер! Господи, ко мне!

Ужас.

Уф… Нельзя ли еще раз с начала, но уже без

---

[66] Примечания: 66

Культурно-юмористическая радиопередача, в эфире с 1977 года.

собаки?

Он осмотрел меня с ног до головы. Чувствовалось, что он сомневается. Что, для страхового агента я был недостаточно опрятно одет?

Поскольку я ничего не отвечал, он повернулся ко мне спиной:

— Могу я вам чем-то помочь?

И тут…

И тут меня прорвало:

— Нет, — сказал я, — нет. Вы не можете, зато я могу… Я для этого и приехал. Чтобы помочь вам. Простите. Здравствуйте. Меня зовут Ян. Я… уф… (он обернулся) я вчера вечером познакомился с Исааком Моизом. Он пригласил меня поужинать, а поскольку мы пили ваше вино, рассказал мне о вас. Он рассказал мне вашу историю и про… про болезнь вашей супруги и… и все прочее. Он мне сказал, что вы разуверились, устали, приняли решение продать виноградники и что… (теперь он разглядывал мое лицо, а я отводил взгляд, чтобы не дать слабину, и пересчитывал масляные пятна на его спецовке) но… но нет. Вы не будете их продавать. Вы не будете их продавать, потому что ради вас я бросил свою работу. Свою работу, жизнь, подругу, все… Ну то есть нет… не

ради вас, а ради себя, и я… в общем… Моиз до лета одолжит мне свой дом, у меня есть руки, ноги, справка о том, что я здоров, я бретонец, упрямый, ничего не понимаю в вине, но научусь. Я быстро учусь тому, что мне интересно. А еще у меня есть права. Я могу водить машину. Могу ездить за продуктами. Могу готовить еду. Если хотите, могу сейчас отвезти Тома на его тренировку. Я могу делать все, что ваша… все, что делала Ариана и что теперь ей не по силам. И мои родители тоже вам помогут. Мой отец работал бухгалтером, он сейчас на пенсии, но по-прежнему быстро считает и поможет вам всем, чем сможет, я в этом уверен. К тому же они с моей матерью являются членами своего рода клуба пенсионеров, которые путешествуют по всей Европе на своих автокемперах, и к сбору винограда, вот увидите, они все к вам приедут… Они приедут вместе со своими друзьями англичанами, итальянцами, голландцами, всей компанией. И гарантирую вам, что все изменится, эти люди, они с вас денег не возьмут, еще и за честь почтут! Не продавайте, Пьер… Все, что вы делали до сих пор, это слишком прекрасно… Не надо опускать руки.

Тишина.

Глубокая тишина.

Тягостная тишина.

Гробовая тишина в мертвенном свете неоновых ламп.

Этот тип смотрел мне прямо в глаза. Его лицо не выражало никаких эмоций. Принимал ли он меня за сумасшедшего? А может, он уже давно на все забил? Может, он уже подписал какие-то бумаги? Может, он бы предпочел, чтоб я оказался страховщиком? Ликвидатором? Помощником нотариуса? Подбирал ли он выражение покрепче, чтоб отправить меня туда, откуда я явился?

Оттачивал ли слова, чтобы доходчиво объяснить всю наглость и тщеславие этой нелепой выходки парижского неженки, не нашедшего себе места в жизни, искателя приключений в биоформате?

А может, он глухой? Или же совсем тупой? Уф… а он ли тут хозяин? Он ли Пьер Каванес? Знает ли он моих соседей по подъезду? Может, он просто сезонный рабочий? Или автослесарь, ремонтирующий трактора?

Понимает ли он по-французски?

Эй, благородный туземец, твоя понимать, что моя тебе говорить?

Все это продолжалось целую вечность. Мля,

дело пахнет керосином, как сказал бы мой приятель каменщик. Я уже не знал, стоит ли мне подойти поближе или бежать отсюда со всех ног.

Проблема заключалась в том, что уходить мне совсем не хотелось. Слишком уж издалека я приехал и слишком долгий проделал путь. Я не мог.

Лампы гудели, потрескивал радиоприемник, пес не вмешивался, я ждал. В руках я по-прежнему сжимал этикетку от вина, а сам четко следовал инструкции, полученной от моего друга Исаака: тешил судьбу.

Выглядел ли я гротескно? Была ли гротескной сама ситуация? Ну и ладно. Тем хуже для меня. Пусть я снова получу под зад коленом, но не покину своего гнезда. Больше не покину. Теперь уже никогда.

Хватит с меня моего добродушия. От него все равно никакого толку.

— Во как… — заговорил он наконец, — вы что же и впрямь столько выпили?

Его лицо по-прежнему выглядело непроницаемым, но капелька зубоскальства, словно певучий штрих, примешалась к вопросительной интонации.

Я улыбнулся.

Он еще немного на меня посмотрел и снова

занялся мотором.

— Так значит, это Моиз вас прислал…
— Он самый.
Молчание. Долгое молчание.
«Большие головы».
Чувствую себя неловко.

Спустя какое-то время… не знаю… быть может, минут десять, пятнадцать, двадцать, он поднял голову и указал мне взглядом на руль:
— Давай-ка. Прокатись, посмотрим, как оно.

И я поехал.
Чтобы посмотреть, как оно.